

ВАЛЕНТИН
ПИКУЛЬ

ПЕРОМ
И
ШПАГОЙ

Валентин Пикуль

Пером и шпагой

«ВЕЧЕ»

1972

Пикуль В. С.

Пером и шпагой / В. С. Пикуль — «ВЕЧЕ», 1972

ISBN 978-5-4444-9071-6

Роман-хроника «Пером и шпагой» посвящен одному из интереснейших периодов русской истории – участию России в Семилетней войне, подвигам и славе русских войск, дошедших в битвах до Берлина. В основу событий, помимо боевых эпизодов, положена вся подоплека секретной дипломатии середины XVIII века. Шпионаж и придворные интриги, где любовь тесно переплеталась с подкупом и даже прямым предательством, привели к сколачиванию антирусского блока. Один из главных героев романа – кавалер де Еон, шпион Версаля при русском дворе, «который 48 лет прожил мужчиной, а 34 года считался женщиной, и в мундире и в кружевах сумел прославить себя, одинаково доблестно владея пером и шпагой». Этот роман стал той книгой, после которой о В.С. Пикуле заговорили как о писателе-исследователе.

ISBN 978-5-4444-9071-6

© Пикуль В. С., 1972

© ВЕЧЕ, 1972

Содержание

Начнем с конца	6
Действие первое	9
Занавес	9
Блестящее начало	11
Людовик проснулся	14
Елизавета просыпается	18
Фридрих не спит	22
Одна из легенд	28
Аминь – Король – Бастилия	31
Великий канцлер	34
Дипломатия и любовь	38
Граница на замке	43
Интриги, интриги, интриги...	46
Подозрения	49
Куда делся де Еон?	53
Действие второе	55
Занавес	55
Высокая политика	56
Начало союза	62
Суета сует	66
Шевалье в Петербурге	69
Простой русский дворянин	73
Первый выстрел	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Валентин Пикуль

Пером и шпагой

© Пикуль В.С., наследники, 2007

© ООО «Издательство «Вече», 2007

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Роман-хроника из истории секретной дипломатии в период той войны, которая получила название войны Семилетней; о подвигах и славе российских войск, дошедших в битвах до Берлина, столицы курфюршества Бранденбургского; а также достоверная повесть о днях и делах знатного шевалье де Еона, который 48 лет прожил мужчиной, а 34 года считался женщиной, и в мундире и в кружевах сумел прославить себя, одинаково доблестно владея пером и шпагой.

* * *

*Плох тот народ, который не помнит,
не ценит и не любит своей истории!*

В. М. Васнецов

Начнем с конца

В ночь на 21 марта 1810 года французскому консулу при Сент-Джеймском дворе, барону Сегье, крупно везло. Он играл в доме леди Пэмброк-Монтгомери, урожденной графини Воронцовой, лихорадочно делая ставки на удвоение.

Время было уже далеко за полночь, когда лакей, обнося игроков крепким чаем, протянул Сегье поднос, на котором лежало письмо:

– Курьер из посольства. Извольте, барон.

Поглощенный выигрышем, консул наспех рванул конверт:

– Извините, господа. Я не задержу вас...

И вдруг вскочил, отбросив карты (и все заметили, что удачливый Сегье играл совсем без козырей).

– Война? – переглянулись русские. – Опять война?

– Нет, нет, – утешил их Сегье, чем-то взволнованный.

Легкомысленная красавица Екатерина Багратион, которая, колеся всю жизнь по Европе, давно уже забыла и мужа, и отечество, вдруг раскапризничалась:

– Барон, вы меня интригуете, и я не смогу отыграться...

Консул глянул на рассыпанные перед ним карты:

– Прошу прощения, я вынужден срочно покинуть вас.

Семен Романович Воронцов (отец хозяйки дома) спросил француза небрежно, с равнодушием старого прожженного дипломата:

– Что случилось, дорогой Сегье?.. – Воронцов сделал паузу. – Ежели это не секрет?.. – Опять пауза. – Секрет вашего строптивного императора?

– Господа! – объявил консул. – Секрета никакого нет... Только что отошла в лучший мир девица и кавалер Женестьева де Еон, которая в молодости была послом Версаля при таких высоких дворах, как Санкт-Петербургский и Сент-Джеймский!

Лица игроков вытянулись.

– Я уже забыл про эту клязную старуху, – удивился лорд Пэмброк, фыркнув. – Ах, сколько было шуму из-за этой женщины!..

Посольский кеб, стуча колесами по камням, довез Сегье до пустынной улочки Нью-Уилмен; дежурный констебль поднял фонарь, присматриваясь:

– Кто идет? Отзовитесь...

Сегье захлопнул за собой лакированную дверцу кеба:

– Идет консул Наполеона – императора всех французов!

Полицейский услужливо осветил фонарем подъезд дома – черный, как провал рудничного штрека, давно заброшенного. В пролете лестницы из-под ног Сегье шархнула бездомная кошка. Шаткие перила колебались над темью колодца.

На площадке верхнего этажа вдруг брызнуло светом из раскрытых дверей.

– Прибыл консул, – возвестил констебль.

Королевский хирург, сэр Томас Кампеланд, раскрыл саквояж и, засучив рукава, натянул длинные шелковые перчатки.

– Великолепно, – сказал он. – Во имя закона и справедливости приступим к осмотру, пока брэнное тело покойницы еще хранит тепло прошлой жизни...

Барон Сегье осмотрелся. Бог мой! Он даже не знал, что девица де Еон, этот таинственный дипломат и забытая писательница Франции, жила в такой отвратительной бедности. Почти голые стены, холодный камин, заброшенное рукоделие на пьльцах.

И всюду – шпаги, шпаги, шпаги!..

К нему подошла мадам Колль – приживалка покойницы.

– Когда это случилось? – шепотом спросил ее консул.

– Около полуночи, месье.

– Бумаги, – намекнул Сегье. – Бумаги... где?

Мадам Колль кивнула в угол. Там лежал большой узел, завернутый в шкуру медведя, до полу свисали печати короля и пахло сургучом. Англичане – опередили. «Как всегда...» Впрочем, в этой поспешной описи имущества ничего не было удивительного, ибо полиция Лондона давно подозревала покойницу в чеканке фальшивых денег...

– Внимание! – провозгласил Кампеланд. – Понятых, прокурора и консула прошу сюда подойти... Ближе, ближе.

Сегье шагнул к неряшливой постели, на которой лежала маленькая, но величавая покойница с желтым личиком. Тонкие губы старухи еще хранили предсмертную улыбку, и один глаз ее тускло взирал на любопытных гостей.

– Начинаем, – сказал хирург.

– Пойдите, сэр! – остановил его прокурор и повернулся к понятым. – Джентльмены, – произнес он, взмахнув шляпой, – надеюсь, вам известно то высокое официальное положение, какое прежде занимала в этом мире покойница. А потому прошу отнестись к процедуре осмотра со всем вниманием... Начинайте, сэр!

– Извольте, – ответил Кампеланд, и с покойницы слетело тряпье одеял, пошитых из цветных лоскутков; затем нищенские юбки взлетели кверху, обнажая стройные мускулистые ноги. – Смотрите!..

И барон Сегье подхватил мадам Колль, которая вдруг рухнула в обморок.

– Все ясно, – сказал врач, сбрасывая перчатки, – покойница никогда и не была женщиной... Можете убедиться сами: великий пересмешник Бомарше был одурачен, и он (ха-ха!) напрасно предлагал ей руку и сердце.

Мадам Колль с трудом обрела сознание.

– Но я-то, господа... я ничего не знала. Клянусь!

Барон Сегье был растерян более других:

– Что же мне отписать в Париж императору?

И, захлопнув саквояж, грустно усмехнулся Кампеланд:

– Что видели, то и опишите, господин консул...

На рассвете к смертному ложу де Еона подсел с мольбертом художник, и через несколько дней книготорговцы Лондона выбросили на прилавки свежие оттиски гравюр. Эти гравюры были не совсем приличны с точки зрения моего современника, но тогда, в самом начале прошлого столетия, они красноречиво убеждали всякого, что кавалерша де Еон была мужчиной. «И без всякой примеси иного пола!» – как гласило официальное заключение, заверенное понятыми и нотариусом.

Тайна мистификации секретной дипломатии XVIII века, казалось, была разрешена навсегда.

Но это только казалось.

И когда отгремели наполеоновские войны, человечество вдруг снова вспомнило о «девице де Еон».

Горячился и Дюма-отец (еще молодой, еще не отец).

– Англичане плуты! – вещал Дюма. – Кой черт – мужчина? И здесь нас провели... Конечно – женщина, да еще невинная, будь я проклят! Неужели же автор «Фигаро», сам великий прохвост, мог так ошибаться? И девица де Еон, этот бесстрашный драгун в юбке, ведь дала же согласие на брак с ним. Хороша была бы их первая ночь, если бы Бомарше напоролся на мужчину! Нет, друзья, англичане – плуты известные, но мы, французы, не дадим себя одурачить. Так о чем разговор?

* * *

В основном разговор пойдет о секретной дипломатии.

Пусть грохочет оружие и стучат котурны женских туфель; пусть трещат, заглушая пальбу мушкетов, старомодные робы статс-дам, а пудра столбом летит с дурацких париков. Пусть...

Дорогой друг и читатель, наберемся мужества: кареты уже поданы, и нас давно ждут в Версале.

Действие первое Подступы

Занавес

Это было время войн, еретичества и философии...

Когда границы Европы, такие путаные, определяли свои контуры, едва-едва схожие с современными.

Германии еще не было как единого государства, но Пруссия существовала, тревожа мир замыслами своих агрессий.

Это была сильная держава, и ее – боялись.

Колониальные войны уже начались.

Англия, разбогатев на торговле, укрепляла традиции своей политики; в ней хозяйничал Питт-старший, сколачивая, как корабль, громоздкую Британскую империю.

Читались научные трактаты, смаковался разврат и громыхали пушки. Сотни людей обогатились на торговле неграми, а потом, меценатствуя, умирали в нищете, всеми забытые.

Во дворцах и хижинах свирепствовала оспа, одинаково уродуя лица принцесс и базарных торговков. Не верьте воздушным прелестям портретов былого – их оригиналы были корявыми!

Пираты делались адмиралами и пэрами Англии, а нелюдимые рыцари Мальтийского ордена вели затяжную войну с алжирскими корсарами.

Инквизиция еще не была уничтожена; площади городов украшали распятия и виселицы; людей клеймили каленым железом.

А на Москве поймали как раз Ваньку Каина, и он пел свои озорные песни, позже ставшие «народными».

Крепости уже не имели тогда прежнего значения – их научились обходить. Но считалось за честь взять крепость штурмом. Города же имели ключи, и сдавали их победителю на атласной подушке.

Мужчины носили треуголки под локтем, а головы пудрили. Пудра была разных оттенков (даже голубая). Держалась мода на фижмы – и поголовье гренландского кита беспощадно выбивалось ради идеальной стройности женских талий. Корсеты вздыбливали груди тогдашних красавиц, слегка и небрежно прикрытые цветами.

А в горах Вогеца доживали свой век последние медведи.

Бедняки Европы уже ели картофель, но в России им лакомились пока вельможи. Свиньи служили гурманам, натасканные выискивать гнезда трюфелей. Люди садились за стол с осторожностью, ибо искусство отравления было доведено до совершенства.

Вольтер успел себя прославить, а в России парил пламенный и честный Сумароков. Роко-тов и Левицкий начинали пробовать свои кисти, но Антропов уже казался устарелым.

Герцог Бирон находился в ссылке, и корона герцогства Курляндского считалась – якобы! – свободной.

Воинственная Польша носила патриотический кунтуш, но имела на троне саксонского курфюрста Августа III.

Крым – под пятою ханов – был подвластен Порте, и в Бахчисарае источал слезы фонтан (еще никем не воспетый).

А в Запорожской Сечи буянили чубатые «лыцари».

Самым сильным флотом все признавали флот английский.

Русская артиллерия и тогда была передовой в мире.

Париж диктовал свои вкусы, и моды часто менялись.

Макиавелли был настольной книгой политиков; и был разгар секретной дипломатии – королей и канцлеров, интриг и подкупов.

Плащ и кинжал! Раскрытое письмо и замочная скважина...

Блестящее начало

Полное имя этого человека звучало так: «Шарль-Женевьева-Луи-Огюст-Андрэ-Тимотэ де Еон и де Бомон». Мы будем называть его короче: «де Еон» (иногда же назовем и «де Бомон», пусть это не смущает нашего читателя). Среди набора католических имен только одно имя – Женевьева! – имя чисто девичье, благоуханное.

Но оно, это имя, как раз и не играет никакой роли в судьбе человека, который оставил след в истории нашего государства.

Говорят, что отец де Еона был не совсем нормальным, и в детстве де Еона наряжали как девочку. Ходили слухи, что он был девочкой, но отцу хотелось иметь сына, и вот его потом переделали в мужское одеяние. Существует свидетельство, что маскарад этот продолжался долго – в прямой зависимости от споров о наследстве: для получения наследства то был нужен мальчик, то вдруг требовалась девочка. Потому-то, говорят, де Еон отлично и чувствовал себя – когда в юбках, когда в мундире. Говорят еще хуже...

Но не будем повторять всех слухов: спор об этом человеке не прекращается вот уже два столетия. Постараемся издалека, через хаос времени и событий, разглядеть не легенду, а – человека!

Вот он, с широко раскрытыми глазами, вступает в мир, полный цветения и волшебных очарований... Как же все это начиналось?

* * *

Добрый друг семейства, аббат Марсене, в последний раз высек мальчика, и на этом домашнее воспитание сочли законченным.

– Мы дали тебе имя! – гордо выпрямившись, сказала стройная мать, урожденная де Шарантон.

Итак, прощайте, сады Тоннера, звоны колоколов по утрам и нежные розы... Громящий мальпост, украшенный краснорожей вывеской святого Фиакра, покатил де Еона в Париж, отчаянно пыля и распугивая по дороге откормленных индюков...

В коллегии кардинала Мазарини секли не так любвеобильно. И платил за сечение уже не родитель, а сам король. Практика – суровая вещь, и она доказала, что еще никому из дворян розги не мешали расти и развиваться сообразно природным наклонностям. Не ручаюсь здесь за простых французов, но зато документально заверено, что короли Людовики с детства каждый день просто объедались розгами!

Маленький де Еон был резв и даровит, прекрасно воспринимая все, что давали аббаты по строгому расписанию: анекдоты и молитвы, супы и горчицу, розги и вокабулы. Незаметно для наставников он вырос в бесшабашную бестию. Последний раз его выпороли, когда он носил в ухе крохотную сережку – признак мужества. Иезуит отбросил прут и помог де Еону застегнуть панталоны.

– Мы свое дело сделали. – заявил падре, ласковый. – А далее, мой профан, пусть заботится о вас хоть сама Бастилия!

Грудь этого сорванца уже была истыкана уколами шпаг в поединках. Зато не было де Еону и двадцати лет, когда его – как виртуоза шпаги – признали почетным кавалером в лучшем фехтовальном павильоне столицы. Он любил читать Мольера, а у того сказано: «Фехтование есть искусство наносить удары, не получая их...» И де Еону хотелось прожить всю жизнь, только нанося удары другим, не получая взамен ни одного обратного...

Быстрыми и легкими туше, победно крича, де Еон загонял противника в угол. Дразнил острием. Сильными батманами отбивал оружие противника. Издевался в стремительных фланконадах.

Разум его был изошрен и в шахматах. Королевский паж Франсуа Филидор (тогда он был скрипачом при Марии Лощинской) приезжал из Версаля в кафе «Режанс» – это давнее прибежище шахматистов всего мира, длинными пальцами торопливо ставил фигуры.

– Шевалье, – просил он де Еона, – я жду от вас гармонии ума и бойкости фантазии... Садитесь!..

Из коллегии Мазарини юнец выпорхнул в свет со званием «доктора гражданского и канонического права». Гордый этим званием, как петух, отыскавший в земле червяка, адвокат поскакал на душистую родину, где в подвале каждого дома, в тесноте старых бочек, бродило приятное и легкомысленное шабли.

Постаревший отец подозрительно ковырял пальцем печати на королевском дипломе.

– Ну что ж, – сказал он, – пинок в жизнь ты получил, но... Куда полетишь, сын мой? На всякий случай запомни: лучше сказать десять приятных слов фаворитке короля, чем написать десять томов. Живи! Но я тебя... знать не знаю.

Впрочем, отец вскоре умер, и де Еон получил в наследство 15 000 ливров дохода. Этого бы вполне хватило, чтобы отсылать белье для стирки если не в колонии Сан-Доминго, то хотя бы в Голландию. Однако де Еон мог смело заверить родню при свидетелях, что ни единого су не истратил на «полубобров» (как назывались тогда – еще задолго до Мопассана – красавицы полусвета).

Высокую нравственность шевалье обстреляли картечью эпиграмм и насмешек. Таково было время: мужья стыдились любить своих жен, а жены, чтобы не потерять доступа ко двору, были вынуждены заводить себе любовников.

Вино – да, это совсем другое дело! Наш юный адвокат обожал повальное рыцарское пьянство. Как хороши высокие прохладные бутылки, что тревожным сном покоятся в его погребе.

Книги – о да, конечно! Без них жизнь немислима и пуста, словно монашеская келья на закате солнца.

Возвысить дух свой над страстями тела – этому он уделял немало забот и даже посетил однажды анатомический театр.

– Я вижу кости, груди мяса, жил и сала, – удивился де Еон. – Но я души не вижу здесь... Нет, это не по мне!

В 1753 году он выпустил свою книгу – «Финансовое положение Франции при Людовике XIV и в период Регентства». Первые же похвалы пришлись кстати. Парижский интендант, Бертье де Савиньи, как раз подыскивал секретаря из хорошей фамилии – и де Еон заступил его место. Время для интендантов было беспокойное. Совсем недавно толпа голодных матерей окружила коляску дофина и кричала сыну короля прямо в лицо:

– Пусть уберут эту потаскуху Помпадур, которая лишает нас хлеба! Пусть только она покажется перед нами...

Парижская гольтьба не знала, что не Помпадур, а сам король спекулировал хлебом. Франция голодала, съезжившись возле промерзлых очагов. Даже знатные дамы, чтобы протопить свои наследственные замки, дарили любовь по странной таксе: одна ночь любви стоила десять телег с дровами. Франция заселяла колонии каторжниками и шлюхами, которых хватало на улицах. Иногда хватало детей и нищих. По пять гребцов на одно весло, со звоном и стоном, выгребали в океан тяжкие королевские галеры, и на знаменах кораблей струились нежные бурбонские лилии.

От Гавра до Ньюфаундленда моря сотрясались от пушек – Англия отнимала у Франции ее американские колонии. Война между странами объявлена не была. Но если в море встречались

французы с британцами, то салютовали так: всем бортом – залп из ядер раскаленных, и – саблю в зубы – вперед! на abordаж!

Франция для французов казалась тогда серым обыденным хлебом, а далекая Канада – сладким сказочным пирогом, и Англия уже вцепилась в этот «пирог» зубами abordажных кречев...

* * *

– Бастилия, – говорил де Еон друзьям, – пока мне не угрожает. Заметьте, как осмотрительна моя некрополическая муза! Живых она не тревожит, паря лишь над свежими могилами.

На смерть известного физика графа Пажо д, Онс-ан-Брэй (у которого Петр I учился механике) он сочинил надгробную эпитафию. А вскоре умерла молоденькая герцогиня Пантьевр, и адвокат в стихах – опять-таки на божественной латыни – воспел ее «благоуханную» кончину.

Де Еон ничего не потерял, до небес превознося заслуги верноподданных покойников. В салонах Парижа вдруг разом заговорили о даровитом адвокате. Шанфор, Бель-Иль, Мармонтель, Лагарп, Дюкло и герцог Нивернуа – вот круг его знакомств. Слепшая маркиза Дюдефан целовала де Еона в надушенную голову, говоря ему при всех:

– О-о, моя дорогая тряпица!.. – Это был верх утонченной ласковости, ибо даже сам король называл своих дочерей воронами, какашками и швабрами...

Вскоре, поднаторев в салонной болтовне, де Еон выпустил в двух томах свои «Политические рассуждения об администрации древних и новых народов». И – не прогадал: к должности секретаря прибавилась еще должность цензора книг по истории и беллетристике. Вольтер в эти дни называл де Еона «светлым разумом», он просил знакомых:

– Познакомьте же меня с этим чудовищем де Еоном!

Но история не сохранила свидетельства – состоялась ли их встреча. Скорее – нет. Они встретились, правда, но значительно позже, когда слава кавалера де Еона уже щеголяла в пышном ворохе кружевных юбок.

Зато нам точно известно, что де Еон проник в дом аббата Верни. Это был очень скверный стихотворец и еще худший министр Франции, ведавший делами иностранными. Но, как утверждали женщины, Верни был весьма «галантерейным» любовником. Вот оно! Отсюда, из дома Верни, тропинка вела прямо в отель Бельвю, к ногам маркизы Помпадур, бойко стрекотавшей красными каблуками туфель.

* * *

Ну а что еще можно требовать от лихого бургундца с серьгой в ухе, со шпагой на боку, болтуна, пьяницы и бретера?

Ей-ей, сам король Франции вел себя в его годы гораздо скромнее. И уж конечно, король ничего не писал (и не читал) об администрации и финансах у народов древности!

Людовик проснулся

Не хочется, а – придется. Сам замысел вещи и ход истории к тому нас обязывают. Сядем же, по завету Шекспира, на землю, покрытую нежной травой, пустим по кругу чашу с вином и будем рассказывать странные истории про королей...

О короли, короли! Простите, но ваши тени мы потревожим.

* * *

В этот день Людовик XV проснулся поздно и, не вставая с постели, привычно и вяло расставил руки. Вечно унылый дофин помог отцу натянуть рубашку. Тряскими пальцами король нащупал горошины пуговиц. Принц Луи Конти, на правах сюзерена, продел ногу короля в скользкий сиреневый чулок.

– Шевалье де Вержен, – шепнул он, – наверное, уже прибыл в Константинополь; барон де Тотт поднимет татар, а наши эмиссары взбунтуют, когда надо, Сечь Запорожскую.

– Да, Порту надо пробудить, чтобы крымский хан опять тревожил русские пределы... Не давать России покоя!

Конти, присев на корточки, взялся за туфлю короля. Когда Людовика обули, в спальню к нему были допущены иностранные дипломаты, состоявшие при дворе Версаля.

Среди них не было русского, и это наводило Версаль на грустные размышления.

На горизонте европейской дипломатии звезда Петербурга разгоралась все ярче, и Франция уже не раз убеждалась, что пренебрегать Россией – рискованно и неразумно. Но Версаль относился к русским с неприязнью. Почти враждебно...

– Звон золота разбудит и мертвеца, – ответил Людовик принцу Конти с большим опозданием (а дипломаты зашушукались).

Бездумно глядя в окно, король вытирал лицо и руки мокрым полотенцем. В соседней комнате Oeil de Voeuf лакеи со звоном перебирали кофейную посуду.

– И начнем день! – торжественно провозгласил Людовик.

Начало дня – обычно. В узком проходе, между стеной и кроватью, король опустился коленом на кожаную подушку; старенький Часослов – еще со времен Генриха Четвертого – всегда лежал раскрытым перед королями Франции...

Конти держал отброшенное королем полотенце и прямо в глаза смотрел графу Штарнбергу – послу австрийской императрицы Марии-Терезии, с которой тоже не было дружбы у Людовика. Конти смотрел на австрияка, но мысли его были далеко-далеко – на севере. Сейчас Конти всего сорок лет, русской императрице Елизавете Петровне – побольше (под пятьдесят), но это ничего не значит.

«Разве бы я был плохим мужем? – раздумывал Конти. – Или я не гожусь в герцоги Курляндские? Наконец, я могу командовать русской армией...»

Людовику, как и Конти, тоже четыре десятка. Но от прежнего красавца, каким он был молоду, не осталось и следа. Лицо сделалось оливковым, почти сизым. Дыхание короля стало гнусным от несовершенства желудка и частых запоров. К тому же король не мог в обществе связно произнести двух слов. Но и эти слова обычно он выражал (по свидетельству современников) «на подлом языке цинизма и распутства».

Людовик еще молился, а из подвалов Версаля, где размещались кухни, уж слышался ликующий возглас:

– Говяди-и-ина короля!

Дипломаты, кланяясь, спешили отбыть в Бельвю, чтобы засвидетельствовать свое почтение мадам Помпадур (все, кроме посла Пруссии, которому король Фридрих запретил унижаться перед куртизанкой).

– Говядина короля! – разносилось по Версалю, и этот возглас быстро приближался к королевским покоем.

Во главе с метрдотелем двигалась процессия поваров, несших Людовику первый завтрак. Из-под золотых крышек струился пар над фарфором, и все придворные издали снимали шляпы, раскланиваясь перед «говядиной короля».

Людовик, шевеля губами при чтении, словно школьник, постигающий грамоту, основательно знакомился с меню.

– Ах, я совсем забыл, – огорчился король, – эти мерзавцы лейб-медики опять посадили меня на диету...

Диетический завтрак Людовика открывало пюре с гренками; затем – громадная тарелка супа из парижских голубей. Король сидел спиной к неприбранной постели; перед ним было раскрыто широкое окно, и в нем виднелись квадратно подстриженные деревья. Ни одна веточка не вырастет длиннее другой – так что глаз короля всегда спокойно скользит по зелени.

Разодрав фазана за крылышки, Людовик сказал:

– Россия стала опасна. Саксонский курфюрст сулит нам поддержку. Поляки уже в конфедерациях – на случай, если русские шагнут за Неман. Пруссия же всегда с нами – за друга своего Фридриха я спокоен: вот на кого Франция может положиться!

Все уже вышли, остался с королем один принц Конти.

– Ваше величество, – ответил он, – не ручайтесь дружбою Фридриха, ибо маркиза Помпадур желала бы отомстить королю Пруссии, который имел неосторожность написать эпиграмму на ее возвышенные прелести.

Людовик продолжил о другом:

– Я не скрою, брат, что раздоры с Веною желательно погасить, как того требуют интересы единства католической церкви.

– Но... Англия! – подсказал Конти.

И придвинул королю баранину в чесноке. Разбив десяток круто сваренных яиц, принц ловко очистил их для «многолюбимого».

– Говори, брат, – разрешил ему король.

– Известно, – четко отвечал Конти, – что в Петербург отправляется из Лондона старая сент-жемская лиса – сэр Вильямс. И говорят, король Георг обещал ему награду золотом, если он выпросит у России солдат для защиты Ганноверского княжества...

– К сожалению, Англия для нас неуязвима, – буркнул король.

– Но зато уязвим король Англии!

Людовик понятиливо кивнул: курфюршество Ганноверское, это фамильное наследие королей Британии, находилось под самым боком Франции; «уязвить» Англию можно через захват Ганновера. Тем более что короли Англии больше гордились короною курфюрстов ганноверских, нежели сверкающей короною британской.

– Король Георг, – досказал Конти свою мысль, – несомненно, пожелает закупить русских солдат, чтобы оградить Ганновер от наших мстительных посягательств.

– Необходимо равновесие, – произнес король, берясь за жирную ветчину с укропом. – Европу спасет только равновесие!

– Но центр равновесия политического, – не унимался Конти, – передвигается по Европе, и сейчас он, как никогда, близок к Петербургу, Россия стучится в двери Европы не кончиками пальцев, а ломится всем плечом. Мир сузился, и всем становится тесно. Елизавета громче всех требует себе места под крышей...

– А что Петербург? – рассеянно спросил Людовик.

– Мы располагаем сведениями о России только благодаря госпоже Каравакк, вдове живописца¹. Вице-канцлер Михаил Воронцов, как и фаворит императрицы Иван Шувалов, склонен к союзу с Францией. Но зато великий канцлер Алексей Бестужев-Рюмин...

– А подкупить? Пробовали? – оживился король.

– Воронцова незачем подкупать: он наш.

– А великого канцлера?

– Бестужев, – отвечал Конти, – уже набрался взяток от венского двора и сейчас снова возьмет от английского посла Вильямса по его прибытии в Петербург...

Людовик был окончательно «изнурен» диетой:

– Опять эти... вапёры! Мой друг, простите своего короля... – Его величество вяло улыбнулся. – Продолжайте: кому из французов удалось проникнуть к русскому двору?

– Только живописцу Сампсуа², ваше величество. Увы, но французское искусство, очевидно, сильнее французской политики, если оно просачивается в эту дикую Россию, словно вода в греческую губку.

– А кто этот Сампсуа? Я его знаю?

– Сын швейцара, что служил у герцога де Жевра. Обладая даром живописца, Сампсуа удостоен был трех сеансов при дворе. В разговоре с ним Елизавета сожалела о разрыве с Версалем.

– Надеюсь, Сампсуа с ответом не сплеховал?

– Он сказал, что ваше королевское величество имеет нежное сердце и отвечает Елизавете полной взаимностью...

Концы губ Людовика дрогнули в дремотной усмешке, – он еще не забыл, что когда-то был женихом Елизаветы Петровны.

– Что ответила Елизавета? – спросил король.

– Она отвечала лишь очаровательной улыбкой, которую Сампсуа и воспроизвел на миниатюре, вправленной в табакерку.

В руке принца Конти вдруг щелкнула табакерка, на внутренней крышке ее – в овале – король увидел изображение прекрасной полнотелой женщины, которая стыдливо прикрыла веером обнаженную грудь.

Людовик грузно поднялся из-за стола:

– Что делать? Россия никому не нравится, но вся Европа нуждается в ее услугах... Так позаботьтесь же, принц, посылкою в Петербург ловкого человека. Нет, не человека, а – дьявола!

Поддержнув шпагу, король пошел было к дверям, но задержался:

– Союз с Россией необходим, чтобы удобнее действовать против России... Изнутри самой же России, и – во вред России! Я не люблю этой страны, о которой мы долго ничего не знали, а когда узнали, то вдруг выяснилось, что именно эта страна способна нарушить равновесие всей Европы...

«Равновесие Европы» – это был пункт помешательства Людовика. Не дай бог кому-нибудь тронуть это хрустальное яйцо! Равновесие – опасная штука, ибо всегда сыщется охотник, чтобы нарушить его.

¹ Луи Каравакк – французский живописец, работавший в России с 1716 года до смерти своей в 1754 году. Оставил немало портретов царской семьи и русской знати; некоторые из них находятся в Русском музее и Государственной Третьяковской галерее. (Здесь и далее примеч. автора.)

² Сампсуа – французский мастер миниатюрных портретов; работал в России с 1755 до 1763 года.

* * *

Франция имела тогда громадную армию, и не было в стране несчастнее людей, нежели люди из французской казармы. Они ели только хлеб из отрубей, на четырех солдат отводилось лишь одно ложе, мундир от убитого переходил по наследству к новобранцу. Их секли, клеймили, вешали, топили, ссылали на галеры. Юридически во Франции считалось тогда, что солдат преступен по самой сути своего нелегкого ремесла.

Зато как сверкал офицерский корпус! Что за лошади! Что за тонкие вина! Что за любовницы!.. В походе офицера Франции сопровождал обоз, а в нем – туалеты, сервизы, парфюмерия, маргашки, зеркала, театры и прочее.

Кто командовал этой армией?

Вопрос, по существу, праздный, – каприз мадам Помпадур решал всё...

Елизавета просыпается

Дщерь Петрова, императрица Елизавета, проснулась в этот день гораздо позднее Людовика. Проснулась не в Зимнем дворце (Растрелли еще строил его), а в шепелевском доме своей подружки, Маврутки Шуваловой, что на Мойке-реке – как раз насупротив Строгановского палаццо³.

Уныло тикали в углу пыльные «рокамболи». Царапалась в двери кошка, чтобы ее выпустили. Елизавета встала и, скребя в голове, отворила двери; кошка прошмыгнула между ее ног.

– Кой час ныне, люди? – спросила она, зевая. – Да где граф Карлушка? Уж не пьян ли? Пушай кафу мне варит...

Шлепая босыми пятками, простоволосая и распаренная, императрица снова тяжело бухнулась в проваленные пуховики.

Вспомнила тут, как вчера Ванечка ее пьян был, хоть на простынях выноси сердешного, и – закрестилась скоренько:

– Ой, господи, прости ты нас, царица небесная...

Граф империи, генерал и обер-гофмаршал Карл Сиверс (гладковыбритый, сытый и трезвый) принес ей кофе.

– Ну, матушка, – весело заговорил он, – а ты напрасно вчерась туза скинула. Тебе бы в шестерик сходить. Глядишь, и я бы тебе волан срезал... Пей вот, пока не остыло!

– Осьмнадцать-то рублев... тьфу! – сочно выговорила Елизавета. – На эти деньги дом не построишь, только хвороб наживешь. Лучше кликни через речку: может, кто из Строгановых и встал уже? Так пушай со мною пофриштыкают...

Сиверс дал понять императрице, что внизу с утра раннего топчется великий канцлер с бумагами.

– Что ему, неугомонному? – надулась Елизавета. – Вели ждать, я еще не прибрана.

На смену Сиверсу пришел царский истопник Алешка Милютин, с грохотом свалил заснеженную охапку дров. Рассыпая прибаутки, закладывал поленья в печную утробину. Богатый астраханский рыбак, Милютин служил царям из чести: топил печки Анне Иоанновне, нажаривал их лютому Бирону, по наследству перешел и в нынешнее царствование «дщери Петровой»...

– Ты почто бос? – пригляделась к истопнику Елизавета, кофеек попивая. – Ливрею надел, гляжу, а пятки черные... Скажи, друг: почто этикета не блюдешь?..

– Да шепнули сапожки мои. Только было вздремнул малость под лестницей... Проснулся – уже босой: шепнул их кто-то с меня!

Елизавета допила чашечку и скуксилась:

– Не жалеешь ты меня, Алексей Яковлев... Эва! Вьюшки вчера опять закрыл второпях. У меня всю-то ноченьку ребро за ребро так и задевалось... Помру уж, думала!

Милютин поклонился ей в пояс, нижайше, и вдруг чмокнул императрицу в румяную пятку, торчавшую из кружев.

– Эх ты, лебедь белая! – Подбоченься, истопник прошелся перед ней гоголем – так и выкатился из комнат, приплясывая.

– Да Егоровну-то позови... – смеясь, велела она ему вдогонку.

С треском разгорелись дрова в печи. В двери вдруг просунулась голова великого канцлера Бестужева-Рюмина; он повел носом, на котором из-под слоя пудры явственно проступала ужасная синева старого закаленного пьяницы.

³ Ныне в этом перестроенном до неузнаваемости «шепелевском» доме находится (со стороны Невского проспекта) кино-театр «Баррикада».

– Матушка-осударыня, – сказал шепотком страстным, – а я до твоей милости. Дела в Европах завелись немешкотные.

– Погоди, Алексей Петрович, дела – не волки, Европы и подождут. А я нечесана еще! Маврутка-то, спроси, идет ли? Что же, я так и буду одна тут мучиться?

На пороге (без парика, в одном шлафроке на голом теле) появился «ночной император» России – Иван Шувалов, и был он шибко невесел после вчерашнего окаянства. Отдавая дань просвещению, Шувалов не забывал отдать должное и родимой сивухе.

– С кем это ты так вчера отличился? – спросила его Елизавета с укоризной, но заботливо-нежно, как мать родная.

Шувалов держался вроде блудного сына – виноватого-покорственно:

– Да у Апраксиных, матушка, вечеряли. Помню, что кастраты на диво усладительно пели. Потом Разумовский палкой стал бить фельдмаршала, а Нарышкины – те, как всегда, разнимали...

– Ты бы клюковки пососал, – пожалела его императрица. – Небось головушка-то болит?

– Не стою я твоих забот, матушка, – вздохнул Шувалов, наполняя глаза слезами, и долго смотрел на свои розовые ногти. – Быть мне в монастыре, непутевому.

– Вот помру я – тогда намолишься... А пока не тужись... Иди ко мне, ангел милый.

Она подозвала его к себе и поцеловала с удовольствием.

– Канцлер-то, – спросила потом, – не убрался еще?

– Да нет. Внизу посиживает. Куранты кой час считывает.

– Экий клещ настырный... Знать бы: чего ему надобно?

Шувалов без аппетита куснул моченое яблоко:

– Британский посол Вильямс к нам вскорости на смену прежнему Диккенсу пожалует. Вот и волнуется твой Сюлли – как бы не отпихнулись мы от субсидий аглицких!

– А не держи я войско, – нечаянно зевнула Елизавета, – так будет ли Европа считаться с нами? Солдатом и держимся...

– С твоей колокольни, матушка, подале видится, – заскромничал Шувалов. – Только смотри, как бы не пришлось нам, русским, чужую квашню даром месить!

Лицо императрицы пошло бурыми пятнами:

– Я три года в нитку тянулась, а что от меня в Европах получили? И где этот Ганновер – знать не знаю! У меня, эвон, свои заботы: дворец не достроен, а где взять денег – того никто не ведает. Все округ – только: дай, дай, дай! И никто еще не сказал мне: «На тебе, Лисавет Петровны!..» Может, ты дашь, голубь?

– Я только от щедрот твоих имею, матушка, – обиделся фаворит. – Ежели надобно, так заberi остатнее. Одним Христовым именем проживу. Зато вот канцлер твой Бестужев от иноземных дворов немалую выгоду имеет. Вот у кого проси!

Елизавета быстро сплетала волосы в пухлых пальцах.

– Берёт, вестимо, – согласилась спокойно. – А кого я на место его поставлю? Бестужев хоть фасон бережет, другие-то еще больше загребут... Да и то истинно: в долгу мы, а что делать? Своей крыши в городе не имею. Летний дворец – развалюха, а Зимний – когда-сь кончат? Что же мне, так и до смерти самой все по гостям ночевать?

Шувалов встал, запахнул шлафрок:

– Фридрих-то, король прусский, тоже обеднял изрядно. Даже пиво и то налогом обклат. И от авансов аглицких не откажется. Вот и пойдем мы с тобой, матушка, воедину с пруссаками, Ганновер воевать противу Франции, тебе столь любезной...

Елизавета скинула ноги с постели, тяжело брякнулась перед иконами разбухшим телом:

– Господи! Да на што мне мука така? Какой еще Ганновер? Да и есть ли такой? Может, его нарочно придумали, дабы меня в доуку привесть... Грешница я великая, уж ты помилуй мя, господи!

Шувалов накинул ей на плечи халат, трухнул в колоколец.

– Канцлера сюда! – позвал зычно. – Да чтоб с бумагами...

Вошел Бестужев-Рюмин – уже под хмелем. Молча, спины не ломая, шмякнул на стол бумаги по коллегии иностранной.

И (задом к Шувалову) сказал канцлер так:

– Я, слава богу, сыт и табаку не прошу у других понюхать. Не для себя стараюсь, а для пушей славы отечества. И корень политики моей – древний, паче того – Петра Великого система!

– Ой, не хвались, Петрович, – свысока возразил Шувалов. – Политика, как и галантность с дамами, строгой системы иметь не может. Иной час и ревность надобно вызывать, дабы удержать прелестную. А по твоей «системе» – Россия с торбой по чужим дворам шляется. У кого не берем только? Даже голландскими ефимками не брезгуем... И то – позор для русского племени!

Рука канцлера, вся в сверкающих бриллиантами перстнях, стиснула набалдашник трости чистого золота.

– А вы бы, сударик мой, помалкивали о позоре-то. Алешкина корова и помычала, а твоя бы, Ваня, лучше молчала!

– Матушка, – вспыхнул фаворит, – ты слышала?

Канцлер стянул парик с головы, притворно прижал его к глазам:

– Бог видит, что поклепствуют на меня... Ковы строят!

– Иван Иваныч, – вдруг сказала Елизавета. – Ты, друг мой милый, сейчас не спорь и выйди. Потом приходи с радостью...

Шувалов в злости так саданул дверьми, что посыпалась с потолка трухлявая позолота.

– А ты не реви! – велела императрица канцлеру. – Эвон, Остерман! Тот плакать умел... во такие, как виноград, слезищи падали. А ты глаза трешь, да сухи они у тебя. Срам один!

Канцлер натянул парик на лысину. Похолодел.

– Прочти, великая осударыня, – указал он перстом в бумаги, – что отписал я тебе доказательно. Теперича мы, в негоциации с Англией, выставим для защиты Ганновера корпус не в тридцать тыщ солдат, как ранее декларировали, а... все полсотни! И за это даст нам Англия три по ста и пятьдесят тыщ в фунтах своих...

– Креста на них нет, на разбойниках! – сказала Елизавета.

Бестужев любовно стукнул ее пальцем в плечико.

– Ты подпиши, – вымолвил проникновенно, голосом задушевым. – А уж я-то выгоду твою соблюду. И мене чем пять сотен тыщ брать не станем...

Выбрал он перышко поострее – протянул Елизавете, и она с робостью взялась за перо (от учености всю жизнь бегала).

– Буковки-то как махоньки, – пригляделась императрица. – Нешто нельзя пошире писать? А ежели завтра я все опробую?

– Матушка! – взвыл канцлер, стуча тростью. – Кой годик пошел: все завтра да завтра. Посла-то твоего в Лондоне, князя Сашку Голицына, совсем уже при дворе тамошнем заклевали!

– И что с того? – взъярилась Елизавета. – Коли православный, так и пушай несет крест-то свой. Я-то ведь терплю от политик неприятности разные... Лишний долг-то Россию не украсит!

Канцлер потряс песочницу, держа ее наготове, чтобы присыпать одно лишь слово императрицы, которое решало судьбу не только России, но и отражалось на судьбах Европы.

– Не тужись, матушка. Ей-ей, – уговаривал он, – куртуазии твоей от лишнего долга не убавится, а дело стронется. Черкни перышком. Ну что тебе стоит – вжик, и ты богата!

Но Елизавета Петровна уже отбросила от себя перо:

– Потерпи еще чуток, канцлер... Шутка ли! Целый корпус им дай... Христианские, чай, душеньки. Втравят меня – быть битой. А за какой интерес? У меня Фридрих, враг персональный, на вороту виснет. Питт – хитер, да и я не за печкой уродилась. А потому, канцлер, иди с богом домой и ни о чем не печалься...

Выпроводив Бестужева, Елизавета сама разбудила Мавру Егоровну. Пришла и Анна Воронцова (из графинь Скавронских) – жена вице-канцлера и двоюродная сестра императрицы. Подруги сообща умылись из одного кувшина, тут им наряды новые из лавок привезли купцы двора Гостиного и чужеземные. Елизавета, раздумываясь от волнения, ловко мерила аршином парчу и бархаты, сама резала себе лучшие куски, но платить не платила:

– Купцам скажите, чтобы шли к барону Черкасову и не плакались чтоб... Барон Черкасов все мои долги записывает!

Когда уже смеркалось над Петербургом и сугробы посинели, она была одета и, довольная, сказала:

– Пора и день начинать. Велите санки закладывать – я давно по городу не каталась...

И помчались сани, а в них – с хохотом – массажистка, две горничных, портниха да еще дура старая (мастерица сказки сказывать). Посреди же них – сама императрица, ее величество!

Рвали кони по Невскому – в стынь, в звон, в иней.

Мимо неслись, вдоль перспективы парадной, кругло подстриженные березы – все в искристом серебре, как драгоценные кубки.

Фридрих не спит

Но раньше всех в этот день проснулся Фридрих II – король Пруссии и курфюрст Бранденбургский... Проснулся на тощем матрасе, как солдат, в своем тихом Сан-Суси, что отстроен в Потсдаме по собственным проектам короля, сверявшего свое пылкое вдохновение с четкой классикой Палладио и Пиранези.

Мрак еще нависал над спящей Германией; досыпали крестьяне и ремесленники, сборщики налогов и трактирщики, дрожали от храпа солдат казармы Берлина, когда (ровно в четыре часа утра) камер-лакей сорвал с короля одеяло и распахнул окно в заснеженный сад, шестью террасами сбегавший к воде.

– О подлец! – воскликнул король. – Как я хочу спать, а ты каждый день безжалостно будишь меня...

И король выбежал в сады Сан-Суси, темные и заснеженные, ветер раскрылил плащ за спиной. Это не было прогулкой короля – это был неустанный бег, бег мысли, погоня чувств, столкновение образов, ломка чужих костей, гнев и восторг... Впереди его ждал день, да еще какой день! Королевский день!

* * *

Казалось, сам ангел восходит на престол – после смерти кайзера Фридриха-Вильгельма I – этого коронованного капрала, подарившего миру такие живучие афоризмы, как «не потерплю!» или – еще лучше – «не рассуждать!».

Молодой король Фридрих II был мягок в обращении, прост в поступках, писал недурные стихи, чудесно играл на флейте. И никто не знал, что своей любимой сестре (еще будучи кронпринцем) Фридрих признавался:

– Весь мир удивится, узнав, что я совсем не тот, каким меня представляют. Европа думает, что я стану швырять деньги на искусства, а талеры в Берлине будут стоить дешевле булыжников... О нет! Все мои помыслы – лишь об увеличении армии...

Эту армию он вербовал из пленных, из наемников, завлеченных в Пруссию обманом, просто из негодяев и подонков. Но больше всего – вербовкой на чужбине. Причем король логично объяснял, почему выгодно вырвать человека из соседней страны и пересадить его, словно репку, на прусскую грядку.

– Завербовав чужеземца, – утверждал Фридрих, – я выигрываю четыре раза подряд: во-первых, в мою армию поступил один солдат; во-вторых, противная мне армия потеряла одного солдата; в-третьих, один пруссак остается в кругу семьи, по-прежнему ведя хозяйство; в-четвертых, если солдата убили, по нему плачут на чужбине, а в Пруссии до него никому нет дела... Самое же лучшее, – добавлял король, – когда пруссак сидит дома и даже не знает, что Пруссия воюет!

Царствование свое Фридрих начал с войны за Силезию, которую безжалостно оторвал от Австрийской империи. Причину этой войны он объяснил «наличностью постоянно готовой к делу армии». По Фридриху выходило так: имей армию – и ты уже имеешь законный повод к войне. Правда, желание воевать король оправдывал еще «полнотою прусской казны и живостью своего характера».

Весь израненный в сражениях, рыцарски отважный, Фридрих никогда этим не кичился.

Король не верил в бога, напоказ бравируя своим атеизмом, король презирал религию и духовные распри, владевшие Европой. Он давал приют в Пруссии всем изгоям веры, которых инквизиция жестоко преследовала на родине...

– Пусть монахи побольше ссорятся, – говорил Фридрих. – Пруссии это выгодно; что католик, что еврей, что лютеранин – мне на это плевать, лишь бы они трудились... А где их расселить? Вот задача: нет войны, и нет новых земель. Но мы извернемся! Мы осушим болота – этим обретем новую страну внутри старой. Без крови! Без пушек! А дети поселенцев будут считать мою Пруссию уже своей отчизной.

Так он и делал. Пруссия молилась по-разному, весьма усердно. Лишь король позволял себе роскошь вообще не молиться. Ему был важен только доход-приход, обращенный на пользу армии. Фридриху удалось то, чего не удавалось никому: он посадил на землю даже бродячих цыган; они жили в колониях и пахали для него землю. А еврейские финансисты, верно служа Фридриху, обеспечивали устойчивость прусского талера... Угнетенные австрийцами чехи валом валили в Пруссию; прекрасные строители, они возводили на пустошах города и крепости, дамбы и плотины.

Никакой «чистоты немецкой расы» не существовало. Говорить о ней – все равно что спорить над дворняжкой, какой она породы: спаниель или фокстерьер. Фридрих II, получивший титул «Великого», собрал свою нацию из ошметков Европы, – это вавилонское скопление онемеченных славян, изгоев веры, бродяг и ремесленников и стало затем той Германией, на совести которой лежат две мировые бойни. А потомки тех евреев и цыган, которых расселял у себя Фридрих, были сожжены в крематориях Освенцима и Майданека наследниками агрессивной политики Фридриха!

* * *

Фридрих вернулся во дворец, уже зная, что делать сегодня.

Мокрый плащ волочился за ним по дубовым паркетам. Пинком ноги, бряцавшей шпорой, король распахнул двери в приемную. Толпа министров и генералов Пруссии вздернулась при его появлении – как жеребцы, опрокинувшие коновязь. Ни на кого не глядя, король отделился общим поклоном... Посередине – стул (для него). И он сел. Трость выкинул перед собой, тонкие пальцы музыканта обвили вытертый костяной набалдашник.

– Баран... здесь? – был первый вопрос короля.

Втащили на веревке барана, и король запустил пальцы в его глубокую шерсть, почти чувственно, как в женские кружева:

– Ого! Вот это шерсть... Отличное будет сукно для мундиров. Отныне разводить в Пруссии именно испанскую породу. И не следует смеяться над бляением глупого животного. По опыту жизни знаю, что один хороший баран полезнее худого гаулейтера...

Король выслушал рапорты из гарнизонов и доклады министров. Потом вперед выступил прибывший из Кенигсберга губернатор восточнопрусских земель Ганс фон Левальд, почтенный старец восьмидесяти двух лет.

– Стул фельдмаршалу! – велел король.

Теперь сидели двое – король и фельдмаршал.

– Рассказывай, старина, – оживился Фридрих.

Левальд рассказал, что в ливонских землях копят русские войска, за Неманом размещены воинские магазины. Рубежи Пруссии беспокойны... Король взмахнул тростью, заговорил с пылом:

– Мне известен способ, как спустить с цепи русского медведя. Но кто мне скажет – как его посадить обратно на цепь? Самое лучшее: оставить медведя в берлоге, делая вид, что его никто не замечает. Однако сейчас зверь зашевелился в своем логове! Господа! – воскликнул король. – Россия страшная страна, и через полстолетия, верьте мне, мир вздрогнет от ее величия!

Фридрих умолк, и стало тихо. Только изредка позванивали шпоры полководцев, стукнулись об пол низкие ташки кавалеристов, нежно тренькали шпаги придворных. Король думал...

Тишина в Сан-Суси, тишина. Ах, какая тишина над дремучей болотистой Пруссией, которая досыпает сейчас свои последние минуты.

– Шверин, – вдруг очнулся король, – что за бумагу, дружок, вы там комкаете в руке? Дайте ее сюда...

Это было прошение о пенсии вдовы капитана, поднятого на штыки в Силезской войне. Король вернул бумагу Шверину:

– Мне очень жаль вдову, но вакантной пенсии у меня нет.

– Ваше величество, у нее, несчастной, дочери без приданого.

Король крутил трость в сухих горячих ладонях:

– Шверин, вы умоляете так, будто я уже отказал?

– Но вы сказали, что вакантной пенсии нет.

– Верно. И – не будет. Но... Шверин, вы плохо знаете своего короля. С сего дня сокращаю свой стол на одно блюдо. В год это даст прибыль в 365 талеров. Пусть вдова и получает их...

Один из гаулейтеров провинции Бранденбург заговорил вдруг, что состояние дорог в Пруссии столь ужасно, что...

– Перестаньте болтать о дурных дорогах! – закричал король. – Пруссия окружена врагами. И мне не нужны отличные дороги, по которым бы армии врагов докатились до Берлина... Нет! Пусть они застрянут в прусской грязи. А мы будем воевать только на чужой территории, где дороги идеально устроены!

Фридрих встал.

– А ты сиди, старина, – придержал он Левальда. – Ты принес новость... Вот и прикроешь мое королевство со стороны Кенигсберга! Шверин, подойди ближе. Бери двадцать шесть тысяч штыков, ступай в лагерь Кёниген-Грец, оттуда заслонишь Силезию от моей венской кузины. Герцог Бевернский, где вы? Кажется, пришла пора изучать карты лесов Моравии и Богемии... Судьбы мира неисповедимы, и как бы не пришлось моей инфантерии шагать по этим лесам!

Он огляделся. Пламя свечей, коптя, качалось в жирандолях.

– А где же Циттен? Почему я не вижу своего приятеля?

Растолкав придворных, пред королем предстал Циттен, вожак непобедимой прусской конницы. Маленький. Кривоногий. Хрипчатый. Бесстрашный. Безграмотный. И – умный.

– Мой добрый Циттен, что ты скажешь о русских казаках?

– Не стоят холостого заряда, король.

– А русские кирасиры и гусары?

– Я свистну, король, и они зашатаются в седлах...

Фридрих обернулся к берлинскому губернатору – фельдмаршалу Джемсу Кейту:

– Вот стоит человек, двадцать лет прослуживший под знаменами России. Он не даст солгать... Каковы русские солдаты?

Подтянутый седовласый Кейт поднял над головой жезл, сверкнувший дешевыми рубинами.

– Лучше убедить королю сейчас, что русская армия великолепна, нежели ждать, когда русская армия переубедит ваше величество в бою! Она очень хороша, хотя и плохо управляется.

– Да, – согласился король, – она хороша... Но привыкла воевать с татарами. Я представляю, как она побежит после встречи с правильной организацией моей армии!

– Король, – отвечал Кейт. – В воле вашего величества бить русских правильно или неправильно, но русские... не побегут!

– Даже если их очень сильно побить?

Храбрый Кейт ответил королю дерзким вопросом:

– А разве вы сможете побить русских сильнее, чем их били татары?..

Король с усмешкою на устах удалился. Теперь начиналось самое интересное.

* * *

Самое интересное – это шпионаж. Экономя на супах и пиве, король не жалел денег на разведание шпионов. Главарем прусского шпионажа в Европе был личный адъютант короля – Христофор Герман Манштейн; этот умный человек долго служил в России, где был адъютантом Миниха; именно он – Манштейн! – схватил из теплой постели герцога Бирона, треснул его по зубам и, связанного, швырнул в коляску... Из русской армии Манштейн дезертировал в Пруссию; имя его отныне во всех губернских городах России было приколочено к виселицам палачами.

Когда король вошел в библиотеку, Манштейн был уже здесь; тут же, возле окна, таилась обтекаемая тень и Финка фон Финкенштейна, этого интимного друга детства короля.

– Мои добрые друзья, – сказал им Фридрих, – у меня всегда дрожат пальцы, когда я раскрываю заветный портфель... В самом деле, как приятно, сидя в тихом Сап-Суси, знать, что думают о тебе в кабинетах Парижа, Вены, Петербурга... Вот Менцель! – сказал король, показав донесение из Дрездена. – Личный секретарь польско-саксонского короля Августа Третьего, а смотрите, как верно мне служит! Теперь глянем, что сообщают русские друзья. О-о, как их много у меня... И вот письмо моего друга – наследника российского престола. Кстати, тут пишут, что в России сейчас восстание башкир. Манштейн, это опасно?

– Укус клопа, – отвечал Манштейн. – Клопа раздавят.

– Опять-таки. – призадумался король, – русские раскольники, которые терпят столько неприятностей от духовенства на родине, тоже ищут моего покровительства. Не могли бы мы из Берлина произвести раскольничий бунт в России?

– Цель бунта? – осведомился Манштейн.

– Король всегда попадает в цель... Вот, например: освободить из Холмогор свергнутого царя Иоанна Антоновича, который, будучи из Брауншвейг-Люнебургского дома, приходится мне родственником. Имей я такой козырь на руках, как наследник престола России, я стал бы играть гораздо смелее.

– Ваше величество, – отвечал Манштейн, – у меня имеется на примете тобольский раскольник Иван Зубарев. Ныне он собирается ехать на остров Мальту, дабы под защитой тамошнего ордена основать колонию русских схизматов. Но я задержал его в Берлине... Что позволено мне обещать ему?

– В таком крупном деле нельзя быть мелочным... Ладно: дать Зубареву патент на чин полковника прусской службы!

Манштейн ушел. За высокими стрельчатыми окнами библиотеки медленно светало, и король (всегда экономный) дунул на свечи. Из сиреневых потемок выступила тень Финка фон Финкенштейна...

– Фриц, – сказал он королю, – мы ведь друзья? И ты не скроешь от меня своих замыслов?

Король придвинул к нему папку с докладами шпионов:

– Прочти... хотя бы это. Из России – от шведского посла в Петербурге графа Горна. Русский двор озабочен заключением договора с Англией, чтобы вырвать от Питта субсидию и поставить для Лондона своих солдат в знак уплаты задолженности... Так?

– И ты... – начал Финкенштейн.

– И я! – подхватил король. – Я тоже озабочен тем же. Не будем бояться рискованных решений... Мой друг Людовик немало поработал над «равновесием» Европы. Версаль любит возиться с этим равновесием, как дурачок с крашеными яйцами.

Фридрих вышел из-за стола, усмехнулся, блеснув глазами:

– А не пора ли нам опрокинуть это равновесие к черту?... Самое главное сейчас – опередить Россию: вырвать от Питта субсидии и договор с Англией, такой же по значению, какой

Питт собирается заключать с Россией. Но мы должны непременно заключить его раньше Петербурга... Ты понял меня?

– Ты безумен, Фриц, – сказал королю Финкенштейн. – Вслед за этим ты потеряешь приятельство Версаля, который не простит тебе поставку солдат для Англии – этого главного врага Франции! Не забывай, что Людовик переживает потерю колоний за океаном особенно чувствительно, и косвенно ты будешь виноват...

– Возможно, – согласился король.

– Но это еще не все! Австрия, твой извечный враг, будет вынуждена встать под одни знамена с Францией, с которой она до сих пор во вражде...

– И это возможно.

– Это же страшно для Пруссии... Что же ты выигрываешь?

– А ты не понял? Но ведь, заключая договор с Англией, я невольно оказываюсь в одном строю с Россией... Этим я снимаю угрозу для Пруссии с востока. Я свободен на западе! Не советую оставлять кошельки на столе – я их заберу для себя... Версаль вряд ли рискнет скрестить со мной шпаги, Австрию же мы умеем побеждать... Самое главное – опередить Россию!

С этим он отъехал в Берлин... Казармы и базары, мукомольни и пороховые мельницы, сукно и посуда, горох и пиво, шаг пехоты и рысь коня, выпечка хлеба и таможня, – до всего король был охотник. Ему казалось, что только он – король! – способен понять и сделать все лучше других.

Единственное, чего Фридрих никогда не касался, так это германской литературы: он даже не догадывался, что такая существует. Немецкий язык, думалось ему, служит лишь для выражения подлости, грубости и низменности чувств. Сам же он парил, естественно, на французском...

Вечером, как всегда, был концерт в Сан-Суси; Фридрих играл в оркестре на любимой флейте. Но мысли его были далеки от музыки, и «трюбуше» явно не удалось, за что неистовый капельмейстер Кванц не раз дергал короля за косу... Здесь же был и английский посол в Берлине – сэр Митчелл, и глаза Фридриха с нотных листов косили на дипломата. Внимание к Митчеллу в эти дни должно быть удвоено, утроено. Пруссии важно одно: опередить Россию!

А после концерта – ужин в близком кругу людей. Вольтер, Мопертюи, Сен-Жермен, маркиз д'Аржанс, Даге – одни французы. Пруссак король любил видеть на плацу, а в Сан-Суси он оставлял их далеко за дверью. Разве могут эти грубые чудовища оценить тонкость метафоры или чудесность гиперболы, что пролетает над столом, словно пушечное ядро?.. В полночь Фридрих ложится спать. А ровно в четыре часа утра камер-лакей уже срывает с него одеяло.

– О подлец! – ворчит король. – До чего ты надоел мне...

– Ваше величество, я слишком дорожу службою и не хочу лишиться ее, как мой приятель, который разбудил вас не в четыре часа, а в пять минут пятого... Вставайте, король!

* * *

Фридрих II не был похож на других королей Пруссии (ни до него, ни, тем более, после!). Вдохновенный и циничный хищник, человек же – несомненно – остро чувствующий, незаурядный.

Он был доступен в своем тихом Сан-Суси даже простым людям. Не был развратен, всю жизнь чуждался женщин, двор его был скромнен, король не имел фаворитов, все были для него равны, в судах он требовал правосудия, и графы при нем сидели в тюрьмах за обиды, нанесенные своим крестьянам.

Фридрих был справедлив. Но это справедливость не человека, а скорее машины. Машина четко и бездушно рубит сучья – еловые, березовые, липовые. Сунь туда палец князь – машина

срубит сиятельный палец. Сунь туда палец мужик – тоже уйдет без пальца. Ибо машине все равно. Ее дело – рубить! Точно и безжалостно. И в этом ее великая нечеловеческая сила...
...Сейчас Фридрих начнет разрушать «равновесие» Европы.

Одна из легенд

Молоденькая графиня Рошфор (из фамилии Бланкас) была уроженкой Тоннера, и если верить самому де Еону, то его землячка сыграла не последнюю роль в его путаной жизни.

Эта неглупая распутница, дабы выглядеть образованной дамой, держала у себя в алькове скелет человеческий. В свободное от любви время графиня Рошфор рассуждала о тайнах материи, а многочисленные любовники вешали на череп скелета свои шляпы. От обедни графиня спешила в комедию, из «Комеди Франсез», прямо от Лекена, слуги несли ее золоченый портсез в грязные кварталы Сен-Марсо, где издавна селились мрачные и голодные алхимики.

Но де Еон, когда она стала раскидывать перед ним свои упоительные силки, вежливо отказал ей во взаимности.

– Вот как? – Графиня стала хохотать, потом плакать; в истерике упала на китайский столик, расколотив фарфора мейсенского сразу на сумму в двести пистолей.

Успокоившись, она сказала:

– Нет слов, заслуги вашего ума и сердца столь велики, что я в отчаянии. И уж конечно, отомщу вам за эту жестокость... Надеюсь, вы не будете на это в обиде?

– О нет! Как и в детстве, я останусь вашим слугою.

– Тогда, – распорядилась она, – снимите на время вашу шпагу и дайте мне ваш костюм...

Мы едем в ратушу!

И они поехали в ратушу (переодетые). В хороводе масок женщины быстро узнавали короля, причесанного – ради маскарада – по старинной моде: две косы с бантами на плечах. И, танцуя, никто уже не смел поворачиваться к нему спиной. Но Людовик сегодня не поднял с полу ни одного женского платка, как бы нечаянно уроненного. Он был уже пресыщен и занимался тем, что, выискивая знакомых дам, цинично скабрешничал с ними.

Этих королевских «любезностей» не избежала и графиня Рошфор. Людовик взял ее за подбородок (такая вольность допускалась на маскарадах века восемнадцатого).

– Как это кстати! – воскликнула женщина. – У меня в постели побывало уже четырнадцать королей – не хватало только пятнадцатого!

И пятнадцатый по счету истории Людовик убрал свою руку.

– Про тебя говорят, – сказал он, потупясь, – что ты была любовницей всех моих подданных. Правда ли это?

– Еще бы! Конечно, ваше величество.

– И путалась с аббатом Верни?

– Он так всемогущ...

– И с герцогом Нивернуа?

– Он так умен...

– И с бродягой Монвиллем?

– Он так красив...

– Ну, ладно. А за что ты принадлежишь своему дураку-мужу?

– Ах, он так предан вашему величеству!

Рошфор с треском закрыла веер. И концом его, на котором болталась беличья кисточка, указала королю на маленькую девушку, что скромно сидела на антресолях, – одинокая провинциалка!

– Так и быть, – сказала графиня Рошфор. – Жертвуя своим счастьем, я могу подарить вам настоящий «королевский кусок»... Идите!

Людовик взглянул; от него не укрылась угловатость почти мальчишеского тела, и это приятно щекотнуло нервы. Уверенно и смело, не приученный к отказам король направил стопы

похотливого сатира прямо к девице, лицо которой было закрыто маской, только блестели в прорезях восторженные глаза.

- Вы знаете, кто я? – спросил Людовик.
- Нет... ваше величество, – с умом ответила девица.
- А не любите ли вы собирать по утрам землянику?
- Утренняя роса не по мне.
- Может, вы любите искать в лесу трюфели?
- Я не выношу их запаха...

Людовик потоптался толстыми слоновыми ногами:

- А что, если я сяду к вам на колени?
- Попробуйте, – был задорный ответ, – если не боитесь получить хорошего пинка!
- Может, вы снимете маску?
- Э-э, нет... – ответили королю нежные губы.

Лебель, ведавший «тайными удовольствиями короля», всегда торчал за плечом короля, и Людовик уже велел ему готовить комнату для свидания.

- На улице Анжу, – шепнул он.

Но незнакомка торопливо скрылась среди ряженных. Людовик поспешил за нею.

На темных дорожках парка коптели редкие площадки. Высоко в небе кувыркалися фейерверк, а на канатах двигались плясуны.

- Постойте, моя прелесть! Одно лишь слово...

Белое платье мелькнуло в зарослях цветов. Топча клумбы, король настигал свою жертву. Но девица вдруг резко остановилась и сорвала с лица маску.

- Оставьте меня! – выкрикнула она. – Разве вы не видите, что я мужчина?

Король пригляделся: перед ним белело нежное девичье лицо с маленькими пухлыми губами. Пальцы незнакомки в смущении тянули с запястий дешевые браслеты из каменного угля.

– Ты хитра, как ведьма, – рассмеялся король. – Но и ведьму можно отличить от сатаны, если ее как следует пощупать...

Незнакомка отбросила от своей груди его руки:

- Со шпагой в руках могу доказать вам, что я не последний мужчина Франции!
- Отчего же я вас не знаю? – спросил король, отступая. – Кто ваш отец?

Де Еон назвал себя.

- А мой отец был мэром города Тоннера...

С хрустом ломая кусты, Людовик выбрался на дорогу. В ратуше он сказал инспектору Марэ:

– Графиню Рошфор выслать в деревни. Вместе с пучеглазым идиотом-мужем и со всей ее химией... Она стала слишком дерзка!

Но король все же не удержался, чтобы не рассказать маркизе Помпадур о своем забавном приключении. Великая интриганка задумалась: нельзя ли из ошибки короля извлечь выгоду?

И вскоре де Еон был ей представлен... Мадам Помпадур – маленькая женщина на высоких каблуках-шпильках, мода на которые дошла до нашего времени. Она была достаточно умна, что доказал Вольтер, посвятивший ей своего «Танкрета». С уверенностью капризного ребенка мадам Помпадур считала, что, пока Франция с королем в ее руках, все дела идут отлично. Де Еон поразился ее страшной худобе (всюду выпирали острые кости) и затаенной грусти. Маркиза ни разу не обнажила из-под шали рук, которые были очень некрасивы. Она свела де Еона, в числе прочих гостей, на свой курятник, где в фарфоровых клетках сладостно кудахтали куры...

Показала на одну из наседок:

– А вот любимица короля. И стоит его величеству появиться, как она сразу же снесет тепленькое яичко.

– Какая прелесть! – заволновались придворные. – Ах, как хочется рассмотреть эту умницу поближе...

На прощание маркиза Помпадур сказала де Еону:

– Хорошо, грязная козявочка, я буду вас помнить!

* * *

Примерно так (согласно легенде, которую поддерживал и сам де Еон) состоялось публичное появление кавалера в женском платье. Но эта легенда может показаться весьма сомнительной. Скорее всего юный адвокат проник к подножию трона через самого брата короля – принца Конти. И здесь уже выступают на первый план не легенды, а подлинные документы.

Аминь – Король – Бастилия

Как гибкая ящерица среди древних камней, извивается улица Ду-Тампль, напоминая мрачные времена тамплиеров, поверженных еще при Филиппе Красивом. Под сенью рыцарских башен укрывался когда-то роскошный отель, в котором сразу угадывалось жилище королевского вассала.

Чудовищна и странна судьба этого замка! Помпезные картины Оливье сохранили нам память об утонченных ужинах на рассвете с полуобнаженными красавицами; здесь, под этими башнями, селились первые короли Франции (кстати, отсюда же вывезли на гильотину и последнего); тут бывали энциклопедисты и палачи, кардиналы и санкюлоты. Потом из склада провианта Тампль сделался солдатской казармой, из министерства просвещения – бенедиктинским монастырем, а штаб Национальной гвардии вытеснили из него интимные бани среднего пошиба. Наконец остатки Тампля были окончательно скрыты, здесь разбили жиденький бульварчик, и ныне статуя Марианны протягивает к парижанам оливковую ветвь, словно умоляя Францию о мире и согласии.

В середине XVIII века Тампль принадлежал принцу Луи де Конти, и этот веселый двор сюзерена был доступнее подстриженного под гребенку Версаля. Конти издавна считался другом философов, Жан-Жак Руссо воспитывал его бастардов, прижитых на стороне. Слава полководца и оратора уже прискучила принцу – теперь его смущали музы.

Но перо Овидия оказалось капризным, и никак не давалась... рифма.

В это время в Тампле появился маленький де Еон.

– Не огорчайтесь, высокий принц, – сказал он. – Рифма – это сущая ерунда. В любое время дня и ночи я могу говорить стихами, которые длиною будут, как отсюда, из Парижа, до... Ньюфаундленда!

И скоро он сделался в Тампле своим человеком. Постоянно присутствуя, де Еон обладал способностью не мешать. Представляя его своим гостям, Конти не раз намекал на его женственность:

– А вот и моя прекрасная де Бомон!

Частым (очень частым) гостем в Тампле бывал шотландец Маккензи – наставник детей парижского интенданта Савиньи; при штабе этого Савиньи служил и наш кавалер де Еон. Маккензи упорно причислял себя к знатной фамилии Дугласов, вызывая к себе сострадание как сторонник Стюартов и добрый католик, вынужденный спасаться в изгнании. Вряд ли он был искренним, выдавая себя за якобита (приверженцы дома Стюартов давно уже вышли из моды). Скорее всего Дуглас-Маккензи как шотландец ненавидел англичан, поработивших его страну.

Однако пристрастие к занятиям педагогикой, склонность к разговорам о политике, бесшумность походки и привычка не поднимать глаза выше губ собеседника – все это выдавало в Дугласе тайного ученика иезуитов, которыми кишмя кишела тогда вся Европа...

Подслушивание же возле дверей в то время не считалось большим грехом, и де Еон был немало удивлен, когда перехватил отрывок тайного разговора:

– Французу не проникнуть в Петербург, – сказал Конти. – Там зверствует канцлер Бестужев: он хватает моих агентов на границе и топит их, словно котят, в Ладожском озере. Зато может проникнуть англичанин благодаря дружбе этих дворов!

– Но я, – возразил на это Дуглас, – лишь знатный шотландец, и в Петербурге посол Вильямс утопит меня в Неве, как якобита. Вы, принц, желаете видеть меня тоже мертвым?

– Нет, живым, – отвечал ему Конти. – Живым и острым, как игла, почти без боли проникающая до сердца русской императрицы. За иглой протянется нитка и свяжет два сердца – Елизаветы и мое... Не удивляйтесь: мне нужна корона. Всю жизнь я потратил на приобретение короны. Согласен быть татарским императором!

* * *

Кто же был в действительности этот принц Конти? Почему именно с ним Людовик обсуждал политику Франции? Совсем не потому, что Конти был ему двоюродным братом.

Скрытный и трусливый, Людовик всегда боялся открытой политики. Постоянно страхась заговоров против себя, он устраивал коварные (порою непонятные!) заговоры против своих же министров. А для этого ему был необходим «карманный визирь», главарь его подпольной дипломатии, и этим-то «визирем» стал Конти – вечный жених коронованных особ, если эти особы были женщинами...

Посол Людовика выступал от имени всей Франции.

А тайный агент Конти – лишь от имени короля Людовика.

Два различных влияния в политике Франции, порою уничтожавших одно другое, уродливо переплетались, словно гадкие черви. Иногда создавался такой запутанный клубок, что даже сам Конти не мог разобраться – где хвост, где голова. Винить за это Конти нельзя. Ибо король внутри своей «секретной дипломатии», которой руководил принц, создал еще вторую – сверхсекретную! – дипломатию, и она (уже во главе с цензором Терсье) противостояла политике Конти.

Тайные агенты Людовика как бы создавали подземные туннели, которые скрытно вели их к европейским кабинетам; и пока официальные послы Версаля добивались войны или мира, агенты короля расставляли повсюду контрмины, взрывая все, что было создано официальной дипломатией... Получалось, будто Людовик устроил заговор против самого себя. Невероятно? Да, похоже на абсурд. Однако так и было.

Понемногу, малыми дозами, словно давая яд, принц Конти раскрывал перед де Еоном секреты французской политики. Де Еон и не подозревал, что уже взят на учет секретной службой Версаля, и сейчас (в разговорах, вроде шутя) его подвергали обработке. Лаская болонку изнеженными руками, Конти признался однажды де Еону:

– Мои взгляды скользят по полуночным странам. Там все непрочно и троны колеблются. Династии сменяют одна другую. Смотрите на Елизавету: бочка вина, горсть золота и шайка солдат, выросших из метели, доставили ей трон... И какой трон! Елизавета дважды отказала мне в своей руке. Но у меня есть к ней еще две претензии: у нее свободна сейчас, пока Бирон в ссылке, древняя корона Кеттлеров Курляндских... На худой конец пусть Елизавета сделает меня главнокомандующим всей русской армии.

Де Еон понял, что все эти интимные разговоры ведут с ним неспроста. И не удивился, когда Конти сказал ему:

– Вы мне нужны не только для приискания рифмы на слово «рыба». Вы пригодитесь, шевалье, для более высоких целей. И я не скрою, что уже имел беседу о вас... там... за решеткою Версаля! Готовьтесь к маленькому повороту в судьбе... Не бойтесь?

Де Еон поклонился, и в потемках Тампля вдруг ослепительно сверкнула в ухе его бриллиантовая сережка.

* * *

За спиной де Еона нечаянно решила его судьба. Маркиза Помпадур по себе знала, какой пронырливостью может обладать женщина, и посоветовала Конти:

– Чего не сделает француз в Петербурге, то исполнит англичанин. Но что не по силам мужчине, надобно доверить женщине.

– Вы, прелестная маркиза...

– Да, да! Почему бы не послать де Еона как женщину?

– Но, прелестная маркиза...

– Да, да! Именно так, как вы и подумали, принц. Де Еон обладает миниатюрными чертами лица. Щеки его, как он сам мне признался, еще не ведали прикосновения бритвы. У него сильные, но маленькие руки избалованной пастушки. И чистый, как бубенчик, голос... Скажите – какую вам еще женщину надо?

Свершилось: через несколько дней принц Конти подал де Еону бумагу:

«Мой дворянин Еон де Бомон да будет доверять всему, что услышит от принца Конти, моего любезного брата, и никому да не скажет он о том ни слова. Аминь. Король».

Де Еон испугался: невозвратно прекрасной показалась жизнь, которой наслаждался он до сего времени... Шпага, вино, книги, шахматы!

– Ваше высочество, – побледнел он невольно, – а если я, ссылаясь на занятость науками, осмелюсь отказаться от этой чести?

– Но вы же видели руку короля! – возмутился Конти.

– А если я откажусь, что ожидает меня?

– Бастилия, мой друг... Увы, Бастилия!

Так-то вот юный повеса вступил на скользкую стезю секретной дипломатии. Вступил на нее как раз в середине XVIII века – времени, когда в громе сражений суждено было перекраивать карту мира...

Он сделался скрытным, таинственным и хитрым.

Аминь! Король! Бастилия!

Великий канцлер

А на бурных берегах Невы был свой, российский, Тампль, выросший среди мазанок мастеровых, по соседству с первой таможенной Петербурга – как раз на том «галерном месте», где ныне высятся классические пропорции здания бывшего сената.

Краткая история русского Тампля изложена красноречиво в судьбе его всемогущих владельцев:

1. Князь Александр Данилович Меншиков – сослан в Березов, где и умер, с мужеством приготовив себе место для могилы; дом его перешел к Миниху.

2. Граф Бурхард Христофор Миних – сослан в Пельым, где пробыл 20 лет, читая вслух жене Священное писание и сочиняя гимны; дом перешел к Остерману.

3. Граф Андрей Иванович Остерман – сослан в Березов, где излечился от старой подагры, но зато умер от неистребимой злости к русским людям; дом его перешел к Бестужеву.

4. Граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин... не будем забегать вперед: положение русского канцлера еще прочно – при дворе и в политике Европы.

* * *

Кто же он был, этот пасмурный и грубый человек, шестнадцать лет невыпускавший руля русской политики? – «Темна вода во облацех...» Обычно при имени Бестужева-Рюмина вспоминают:

– А! Это тот самый, что избрел бестужевские капли...

Да, это тот Бестужев. Правда, химик Лембке приписывал эти капли себе, а позже они продавались в Европе как «эликсир Деламот». Зато сам Бестужев не признавал за собой авторства тех фальшивых монет, которые он чеканил в Гамбурге – в своей странной аптеке. Вообще это был талантливый мастер по металлу и любопытный химик-экспериментатор – с большой склонностью к алхимии и чародействам магии.

Родился он в Москве, но служить начал в Ганновере. Вернулся же на родину – послом от Англии (!). При Петре I ему показалось несладко, и он подался в Митаву, где его отец был любовником курляндской герцогини Анны Иоанновны, будущей русской царицы (Бирон при Анне появился позже). И только когда Бестужеву было под сорок, он вернулся на русскую службу. А точнее – стал служить Бирону и всякой другой сволочи.

Когда умирала Анна Иоанновна, Бестужев пал на колени перед Бироном, воскликнув:

– Вся нация желает только вас!

Избежав плахи за свои преступления в эпоху бироновщины, Бестужев не пропал; его выдвигали ум и знание дворов Европы, их взаимосвязь и тайные каналы, по которым текут все нечистоты дипломатии. Как правило, Бестужев взятками от иностранных дворов не брезговал. Но вот от Фридриха II, короля Пруссии, он денег не брал. Фридрих, взбешенный такой необычной честностью, набавил до ста тысяч эку – нет, не берет! Фридрих еще накинул – Бестужев опять от него отвернулся. И король, пораженный до крайности, туго завязал свою кошну.

– Очевидно, – сказал он, – этот сундук надо открывать воровскими отмычками, а не ключами...

– Я слуга честный, – говорил тогда Бестужев. – Христос в Евангелии глаголет: не может раб двум господам работати, и богу и маммоне служить! И посему, судари мои, брать пенсион от двух противных сторон я не способен. У меня – система, и говорю о том не таясь, дабы в Европах про меня ведали.

«Пенсион» – так он называл взятку. Но «система» у канцлера была: союз России с Англией и Австрией – против Пруссии и Турции, а значит, и против Франции, которая была на

стороне Фридриха и султана турецкого. Системе этой канцлер следовал все тверже – по мере возрастания подачек от Англии. И здесь, надо признать, он был абсолютно искренним!

– Фридрих шибко захватчив стал, – рассуждал канцлер. – И, ославя его, мы сделаем короля нестрашным и незаботным...

Но сейчас (вот именно сейчас!) Бестужев-Рюмин сильно нуждается в очередном «пенсione». Получилось так, что Елизавета подарила ему недавно дом остермановский, и на его ремонт канцлер разграбил казну России по двум коллегиям сразу. Началась бурная переписка дипломатов Европы: как бы выручить из долгов русского канцлера? Лондон по-купечески скаредно напомнил Бестужеву, что совсем недавно отвалил ему 10 000 фунтов: мол, пора и честь знать. Дрезден, также входивший в «систему», плакался на свою непроходимую бедность. А скупердяйка Мария Терезия капнула из Вены на берега Невы столь жиденько, что великий канцлер великой империи и мараться австрийской подачкой не пожелал.

– Это мне на один зуб токмо! – вспылил Бестужев, и теперь, как манны небесной, выжидал приезда английского посла Вильямса: «Даст или не даст? Сказывают знающие, что тороват сэр...»

Иметь друзей канцлер считал дурацкой роскошью. Но зато его одолевали собутыльники: Санти, Прассе и Функ, бывший платным шпионом Фридриха; Бестужев был пьяницей британской школы – твердым в речах и походке. Когда требовалось решать сложный ход в дипломатии, канцлер в одиночестве выхлебывал графин и рисковал, рисковал...

Но рисковал всегда крупно, прибыльно, везуче!

* * *

В один из дней к дому канцлера подкатил возок нерусский, вылез из него старик суровой видимости, в руке – дубина. Лакеи дышали в мерзлые стекла, чтобы разглядеть гостя.

– Братцы его сиятельства! Братец пожаловали...

Выскочила на крыльцо старая карлица. Заплясала по снегу заплатанными валенками. Брат великого канцлера Михайла Петрович Бестужев-Рюмин, взял карлицу на руки, словно дитятко, поцеловал ее, старую и добрую, в дряблые холодные щеки.

– Нюшка, – сказал, – родимая... Рада ли?

– Ой! – ответила карлица и обняла его за шею.

Так вот, с уродкой на руках, стуча палкою по ступеням, поднялся Михайла Бестужев в покои – дипломат прожженный, патриот страстный, все изведавший, все вынохавший. А наверху – его высокое сиятельство, братец младшенький, великий канцлер и превеликий плут.

– Мишка! – сказал надменно с высоты. – Ты бы хоть ноги с улицы вытер. Ковры персикские-то... Мне на вас не напасть!

Поцеловались братцы. Но совсем неласково – более для прилику, чтобы сплетен лишних не было. Сел старший, как гость, в красный угол. Долго не отрывал глаз от пыльной рамочки, что висела – посередь родни, дальней и ближней, – кривенько. И смотрела на Михайлу Бестужева из этой рамочки красавица, вся воздушная, это – Аннушка Головкина. Едва-едва медовый месяц и дотянул с ней: язык ей вырезали, кнутами выстебали спину и сослали пересчитывать остроги сибирские.

Не выдержал тут воспоминаний Михайла Бестужев, слезу вытер:

– Алешка, скажи... Ведь и ты, подлый, руку к ней приложил?

– А ты не хнычь, – резко отвечал канцлер. – Коли карьер хочешь провести меж Сциллою и Харибдою, так баб неча жалеть! Вон я, смотри, каков: сына своего родного в Петропавловскую крепость засадил. И пусть сидит! Зато никто мне глаза не колет, что личное прихлебство имею. Не таково время, братец, чтобы мелких людишек жалеть...

– Бог тебе судья, брат, – отвечал Михайла Петрович. – И не о том речь. Прости, коль почешу место, которо чешется. Негоже, братец, ты Россию ведешь. Не в тую сторону наклонил ты ее... как бы, гляди, не опрокинулась она!

– У меня – система! – сразу вспылил канцлер и прошелся перед братом, крепко стуча башмаками; резало глаз от сияния бриллиантовых пряжек на них.

– Система... ну-ну! А только Петр Алексеич, царствие ему небесное, в политике гибок был. Яко змий, бывало! Оттого-то и ладил. Да и ковров персидских не заводил. Из-за рубля сам давливался, а людей за копейку давливал. И система твоя не от Петра корень ведет, а от графа Остермана – врага русского!

Канцлер стройно вытянулся – даже помолодел в гневе.

– Мишшш-ка, – шепнул он. – А ты, кажись, по дороге ко мне сначала к Ваньке заезжал Шувалову... Опять ковы противу меня? Опять слетаются требуху мою клевать, вор-рроны?

– Нос-то у тебя долог, – ответил брат, – а откеда дерьмом понесло, того не чуешь... Ведомо ли тебе, что австрийский канцлер Кауниц чуть ли не полы у маркизши Помпадур в сенях моет?

Алексей Бестужев даже растерялся, но тут же огрызнулся.

– Вранье, – сказал. – Кто поверит в сие? Парижу с Веной в друзьях не бывать. Бурбоны с Габсбургами еще со времен кардинала Ришелье царпались. Двести тридцать лет вражда их длится... А наш враг – Фридрих: он Силезию у австрияков отхватил, значит, нам прямая выгода Вены держаться. Поелику Вена, по нраву нам, зуб на турок имеет. А в морях мира да будет навечно Англия, крепкая и денежная... Вот и все. Вот тебе система моя!

– Фридриха потоптать надобно, – кивнул Михайла Бестужев в согласии. – Но, гляди сам, как бы не обмишурили тебя лорды.

– Меня? – захохотал канцлер. – Да я маркиза Шетарди⁴ и того сковырнул отсюда. А уж как силен был! В одном шалаше с императрицей костры жег... целовался с нею! Только его и видели...

И снова посмотрел Михайла Петрович на красавицу жену: безъязыкая, где-то она ныне мается? И – позлобел на брата:

– Ты и русских людей, по дружбе с Бироном, сожрал тысячами!

Даже бровью не повел канцлер. Ответил с вызовом:

– Так и что с того? Меня жрали, и я жру. Вот, выходит, мне и хлеба не надобно. Коли нужда явится – тебя, брат, тоже сожру, а на тот день сытым буду!

– Душегуб ты, Алешка. – сказал Бестужев-старший, вставая. – Не токмо кровь на тебе, а и... крамола! Вор ты, погубитель...

Канцлер, побелев, вцепился в брата; Михайла Петрович как-то извернулся и огрел его дубиной своей вдоль спины. Но не рассчитал сил. Великий канцлер прямо перстнями, да в лицо ему – рраз! Покатился старый вельможа с лестницы, а за ним и палка его – тык-тык-тык по ступенькам.

Внизу завизжала карлица:

– Батюшка Михайла... ой, родненький мой!

– Цыц, – сказал ей тот, поднимаясь. – Цыц, Нюшка...

Встал старый дипломат, смахнул кровь с лица, а наверху – канцлер. И поклонился брат брату – старший младшему:

– Ну, спасибочко, братец, за привечаньице. Угостился я славно. Но с сей минут – враг я тебе кровный и страшный!

⁴ Маркиз Шетарди – посол Франции при русском дворе; помогал Елизавете взойти на престол, добивался от нее свержения Бестужева; из-за интриг Шетарди Россия вынуждена была пойти на разрыв дипломатических связей с Версалем.

И – ушел, грохоча палкой. А канцлер в тот же день запил. Пил много, в похвальбе и в люлости. Да все с актерками итальянскими. Опять Санти, опять Функ, опять Прассе... На пятую ночь разгула, в самый-то его угар, ворвалась жена – графиня Альма Беттингер (пиявица, чтоб ей сдохнуть, которую он еще молодым из прусских земель вывез).

– Встань! – сказала по-немецки, ибо другого языка не ведала. – Встань, хоть мертвый встань. Тебя императрица зовет.

Актерок прочь выгнали. Бестужев лег на диван, закатал рукав камзола. Тупо и пьяно смотрел старик, как нож цирюльника рассек ему руку. Черная густая кровь, перекипев от бешенства, хлыстом ударила в чашку...

– Еще, – велел канцлер, и ему подставили вторую посудину. – Не жалеи! – И щедро наполнил кровью третью чашку (последнюю).

Встал. Пошатнулся. Вытер лысину льдом. Натянул парик. Поехал...

Летний дворец, строенный посреди Летнего сада, был в этот час темен, как гробовина. Лакейский люд притомился – дрыхнул теперь по углам, где ночь застала. Императрица, кутаясь в меха, как привидение блуждала среди зеркал – мутных и неровных; колебалось всюду ее неяркое отражение.

– Пришел? – прошептала она с яростью, и часы в глубине дворца пробили трижды. – Ну, то-то!.. Проспал ты все, пропил! Из чужих уст стороной узнаю, что Австрия с Парижем хотят сделаться купцы, старую вражду презря, а ты... Ты это знал?

– Давненько примечаю, – соврал Бестужев, оторопев.

– Так отчего же молчал, черт ты старый?

– Прости, матушка, – низко склонился канцлер. – Но венский граф Эстергази сие не признает за правду... Слухи то, фальшь! Да и сама посуди: может ли так статья, чтобы Людовикус, друг Фридриха Прусского, и вдруг в политике с венской императрицей совокупился... Потому и молчал, что не верю тому!

– Уходи, – гневно отвечала ему Елизавета. – Грех на тебе, канцлер! Великой грех...

К весне уже растеплело. Почернели в саду деревья. За Литейной частью кто-то невидимый истошно вопил (видать, грабили). Над каналами волокло туманец.

Канцлер, выгребая ноги из талых сугробов, брел к саням.

Рукава камзола его были мокры от крови.

– Езжай, соколик, – велел он кучеру и заплакал...

Дипломатия и любовь

Судить о русском дворе XVIII века по тем дворцам, что ныне обращены нами в общенародные музеи, – ошибочно и неверно.

Царский двор напоминал тогда бивуак или, вернее, гулящий табор. А придворные – кочевников, скифов! Отсюда и костюм на женщинах был зачастую не женский, а полувоенный; штаны заменяли им юбки.

Статс-дамы в палатках и шалашах подолгу живали. И у костров грелись. И в казармах рожали. И ландкарты империи фрейлины знали не хуже поручиков геодезии.

Куда их черт не носил только!..

– Трогай! – И двор ее величества срывается с места.

Валят на телеги сервизы, комоды, туалеты, Рубенсов и кровати. Сверху сажают калмычек и арапок – тронулись.

Все трещит, бьется, звенит. Все разворовывается!

В одну только ночь имперские дворцы, бывало, загорались по три раза кряду.

Ели на золоте – это верно, но у столов не хватало ножек, и вместо них подставляли сбоку поленья.

Висели повсюду шедевры мирового искусства, а сидеть было не на чем. И в стенах дворцов – во такие щели, суй палец!

В спальню к императрице загоняли по зимам взвод солдат с приказом: «Дыши жарче!» – и дружным дыханием выгревали комнату, чтобы императрица не заоченела.

На пути следования Елизаветы дворцы возводили в 24 часа (это исторический факт). А кто? Мужики. А чем? Да топором. Тяп-ляп, и готово. Оттого-то не раз и дверьми ошибались. Иногда даже забывали двери сделать.

Кто это там прямо из окна по доске лезет? Не удивляйся, читатель: это камер-фрейлина, прекрасная княжна Гагарина, спешит до кустов, чтобы нужду справить.

Кошки, тараканы, собаки, клопы, блохи, мухи...

Однажды и ежик забежал, до смерти испугав Елизавету. А так как испуг ее величества – дело не шуточное, то ежа взяли в шапку и снесли в инквизицию (сиречь в Тайную канцелярию).

Поверьте: если бы не эта бесхозность, у нас было бы сейчас десять таких Эрмитажей, какой мы имеем всего один в Ленинграде. Екатерина II, тогда еще великая княгиня, и впрямь великая женщина; она была первой, рискнувшей завести для себя постоянную мебель. И когда раздавалось призывное: «Трогай!» – она, словно клещ в собаку, цеплялась за свои комоды, зеркала и стулья.

– Не дам! – кричала она. – Это мое... мое личное!

Кстати, она же была первой на русском престоле, кто ввел оседлость и постоянство; именно при Екатерине II русский двор обрел те черты, которые последующие правители только уточняли и дополняли.

Но иностранцы, попадавшие тогда ко двору, этого «табора» не замечали: им показывали Россию с фасада, позолотой наружу, послов проводили среди торжественных колоннад, и блистали на веселых куртагах инкрустации драгоценных паркетов...

* * *

Так было и с сэром Вильямсом. Он даже принял Летний дворец за мраморный (хотя это были обыкновенные доски, изошренно покрашенные).

Тихо щелкали перед послом Англии большие зеркальные двери, отворяемые арапами; церемониймейстер и два камергера с золотыми ключами у поясов шагали ускоренно, не обо-

рачиваясь. Вильямс следовал за ними, вспоминая инструкцию, данную ему Питтом при отъезде из Лондона в Россию:

«Мало вероятно, чтобы несогласие между Англией и Францией уладилось, а следовательно, общеевропейская война неизбежна... Ввиду этого, приняв во внимание, что срок трактата, заключенного с Россией, истекает в 1757 году, необходимо как можно поспешнее заключить с нею новый договор...»

Камергеры вдруг расступились. Раздалась аукающая высота тронного зала, и – шелестело, шуршало вокруг; справа в ряд, склонив обнаженные плечи, сверкали удивительной красотой русские дамы; слева – мужчины в блеске орденов и звоне оружия; камзолы статских нестерпимо горели, сплошь облитые бриллиантами.

Церемониймейстер ударил в пол жезлом и прокричал сердито, словно обругать кого-то хотел:

– Чрезвычайный посол из Лондона с полной мочью от двора Сент-Джеймского, короля Великобританского II курфюрста Ганноверского... сэра Чарльз Вильямс-Гэнбури!

Вильямс теперь, словно стрела, пущенная из лука, скользил на шелковых туфлях – прямо и одиноко в пустоте громадной залы... Трон! И, преклонив колена, посол с подобострастным благоговением вручил русской императрице свои верительные грамоты. Мягкая, как тесто, белая и ароматная рука Елизаветы, проплыв по воздуху, вдруг очутилась возле его губ...

Посол произнес речь – кратко и сильно (хотя за словами его ничего не стояло). Елизавета выслушала эту речь спокойно и ответила в том же духе, но мягче – по-женски. Вдруг давние обиды совсем некстати всплыли в ее душе, и она, по простоте душевной, огорчилась «на брата своего, короля аглицкого».

– Невдомек мне, – заявила она, – отчего это брат мой не изволит уважать флаг русского флота? Отчего каперы его своевольничают в морях русских – ближних и дальних?

Канцлер Бестужев достал табакерку и громко постучал по ней ногтем: «Уймись, мол, дура!» Но Елизавету понесло уже.

– Курантельщики-то ваши, – кричала она в запале, – бог весть что пишут о моих подданных! Будто мух здесь ноздрями ловим, сами щи лаптем хлебаем, а собаки нашу посуду лижут... Нешто брату моему, королю аглицкому, бранить меня, сироту, нравится? У нас на Руси таких газетеров зазовут куда поспособнее да поколотят хорошенько...

От волнения обидного она давно перешла на русский язык, а толмач (еще неопытный) сдуру переводил слово в слово. «Что делает? – морщился канцлер, страдавая. – Ай-ай, быть беде...»

И с высоты трона вдруг раздалось – гневное, на весь зал:

– А ты что морщишься, канцлер?

– Зуб, матушка, схватило...

– Так вырви его и ходи ко мне веселый!

Рука ее резко выбросилась вперед для поцелуя. Поклон головы влево – дамам, направо – мужчинам, прямо перед собой – послу, и Елизавета величественно удалилась в свои покои. Отбросила в кресло скипетр, корону – на стол, державу – на постель.

– Девки! – закричала она. – Где вы, подлые? Разряжайте меня!

Вбежало с десятков камер-фрау и потащили через голову императрицы гремящие от камней роброны...

Между тем в отсутствие Елизаветы события развивались и далее. По традиции дипломатов, нигде не писанной, но святой, карета, доставив посла на аудиенцию, должна была отъехать от дворца подальше, и теперь Вильямс, вместе со своим банкиром Вольфом, на улице дожидался ее возвращения. Бестужев тут преподнес ему золотую табакерку с видами роскошных дач на

Каменном острове, который тогда принадлежал ему как загородная усадьба. Посол, даже не глянув на подарок, кивнул небрежно:

– Благодарю... Я не совсем понял вашу императрицу, – вдруг жестко произнес он. – Если Россия не заключит сейчас с нами субсидного договора, тогда Англия заключит его с Фридрихом Прусским, который (не буду скрывать от вас) от подобного договора не откажется!

Это был удар под ложечку, ибо кто, как не Пруссия, был главным врагом России? Вильямс хорошо понимал, что стоит за его словами, но Бестужев не сдался.

– Не забывайте, – произнес канцлер холодно, – что ее величество только представляет политику России. Но управлять-то этой политикой мне приходится! А я, – заключил Бестужев, – верный слуга Англии и служил еще отцу короля нынешнего, еще Георгу Первому, когда тот занимал престол курфюршества Ганноверского...

Канцлер дружески завлек Вильямса на свой остров, где потчевал его в голландском саду, на берегу канала, в котором брызгались два жирных тюленя. К шатру беседки подплывали, как белые арфы, лебеди, и лакеи в голубых с серебром ливреях кормили их пшеничным хлебом, моченым в сладком вине.

Питие было, как всегда в доме канцлера, прещедрое.

– Руки-то у меня связаны, – печалился охмеленный Бестужев под утро. – Государыня мне всего семь тысяч на год отпускает. Разве проживешь? Едва на прокорм зверинца хватает... Эвон, тюлени усатые: двадцать ведер рыбки им дай на дню! Да не простой рыбки, а с икоркой – из Астрахани...

Вильямс понял: канцлер просит очередного «пенсiona».

– Но мой предшественник, Гай Диккенс, совсем недавно выплатил вам тридцать тысяч флоринов... Не так ли?

И в ответ махнул рукой великий канцлер.

– Долгов, – сказал, – и тех покрыть недостало. Измаялся!

* * *

Освоившись в Петербурге, посол отправился в Ораниенбаум, чтобы представиться «молодому двору», жившему отдельно от «большого двора» Елизаветы... Молодой двор тогда составляли великий князь Петр Федорович, наследник престола, происхождением из дома Голштейн-Готторпского, и его жена – великая княгиня Екатерина Алексеевна, вышедшая из дома Ангальт-Цербстского. У молодых тогда был уже сын, малолетний Павел Петрович, но родители его почти не видели: Елизавета сразу по рождении мальчика забрала его в свои покои, где докрасна калили печи и где лежал он на засаленных соболях в такой спертой духоте, что здоровые люди падали в обморок... «А молодым дите только дай, – говорила Елизавета, – так они из него калеку сделают! У меня-то хоть не простудится...»

Перед отъездом в Ораниенбаум посол навестил своего секретаря, Станислава Августа Понятовского, который готовился сопровождать Вильямса. Юный поляк сидел перед зеркалами, в пудермантеле, и пока куафёр завивал ему волосы, экс-иезуит Гарновский читал ему вслух старинные хроники о страданиях Польши.

– Дайте я посмотрю на вас, – сказал Вильямс, беря Понятовского за пухлый подбородок. – Так, так... Вы сегодня хороши, как лесная сказка. Поехали, прекрасное дитя мое!

В карете продолжался разговор о судьбах Польши и ее несчастиях. За Петергофом, когда из-за серой плоскости моря выступили мрачные бастионы Кронштадта, сзади посольской кареты вдруг послышался цокот копыт: одинокий всадник нагонял их.

На пустынной дороге – неизвестный всадник (опасно!).

– Хлестни лошадей, – велел Вильямс кучеру.

Но их уже нагнали. Лишь короткое мгновение седок проскакал рядом с каретой, но и Вильямс и Понятовский успели заметить, что это была женщина. Она дала шпоры и, срезав дорогу траверсом, отважно помчалась лесом, вздымая жеребца над канавами. Дипломатам запомнилось бледное лицо женщины, безгубость рта, сжатого в напряжении, и стройная тростинка талии.

– Впервые вижу! – хмыкнул Вильямс. – Эта амазонка сидела вульгарно, словно татарка, раскинув ноги.

– Да, – кивнул атташе. – Седло под ней было не дамское...

Этой всадницей была Екатерина. Стремглав доскакав до дворца, она бросила лошадь на лугу и кинулась переодеваться.

– Никитишна! К нам гости жалуют... Воды мне скорей. Шлейф прицепи. Булавки помнишь ли где?..

От быстрой скачки дышала вздохом, глаза расширились. На мускулистом поджаром теле Екатерины сухо потрескивали одежды. Никаких украшений! И руки голые – уже некогда, пора, едут... И все же она опоздала: мизерабль ее, муженек проклятый, уже вел беседу с послом Англии. Вильямс приблизился к руке женщины, крепко пахнувшей духами и лошадиным потом.

Взглядом, несатым и властным, Екатерина подозвала и атташе для поцелуя.

Понятовский был растроган до слез. Он еще не мог опомниться от видения всадницы, что скрылась в ораниенбаумском лесу. И вот она перед ним... Какая красота и сила! А какой взор! «О матка бозка...» Между тем великий князь Петр Федорович нес чепуху и околесицу, а Вильямс деликатно ему поддакивал. Оба они наперебой расхваливали прусские порядки, но Екатерина и Понятовский, исподтишка разглядывая друг друга, молчали.

И эту их перестрелку глазами великий князь – по дурости врожденной – не заметил. Но зато один перехваченный взгляд Екатерины подсказал Вильямсу всё остальное... Когда дипломаты покатали из Ораниенбаума обратно в столицу, посол веско заметил Понятовскому:

– На великого князя Петра я не поставлю и пенса. Это человек, которого в Англии звали бы просто – шут! И я не ошибусь, если скажу: ему никогда не бывать на престоле...

Вильямс тут же, на рывке кареты, схватил своего атташе за нежную ляжку и больно стиснул ее в цепких пальцах.

– Мой юный друг, – сказал посол учтиво, – вы можете помочь своей несчастной отчизне... Положение в мире серьезно. И парламент моего короля не для того сорит деньгами, чтобы ваша бесподобная красота прозябала в бесполезном целомудрии!

Понятовский вспыхнул от стыда:

– Чего вы еще желаете от меня, сэр?

– Сушью ерунду, – успокоил его старый циник. – Когда великая княгиня увлечет вас в тень алькова, не зовите на помощь свидетелей. Любовь, как и политика, не терпит яркого света... А любовь движет дворами, дворы же двигают политику, политика двигает солдат, армии вершат судьбы мира!

– Вы, как всегда, шутите, сэр?

– Поверьте мне: вас ждет прекрасное будущее... шутя!

Атташе стыдливо промолчал. И только за Мартышкиной деревней, когда забелели в садах дачи вельмож «Ба-ба» и «Га-га», Понятовский вдруг неожиданно признался Вильямсу:

– В одном вы правы, сэр: глядя на нее, я не страшусь даже Сибири... Но разве это возможно? Кто я? И... кто она?

На что Вильямс ответил – с равнодушием:

– Вы – мужчина, она – женщина, и нечего вам бояться...

* * *

Английская дипломатия была первой «женщиной», которая сумела оценить бесподобную красоту юного польского космополита. Сейчас нам трудно сказать: был ли этот шаг предрешен английской политикой заранее, еще в Лондоне, или это результат случайных совпадений, как вдохновенный экспромт посла Вильямса!

Граница на замке

Старинный рецепт гласит: «Возьми дырку, окружи ее бронзой, и ты получишь пушку!» Примерно так было и с де Еоном: взяли его, окружили тайной, и получился дипломат для королевских секретов. Словно горошина на тарелке, катался он теперь между Тамплем и Лиль-Аданом, этой загородной резиденцией принца Конти, и принц твердил ему:

– Пусть Елизавета знает: я молод! я храбр! я красив! Мне нужна от этой женщины либо ее рука, либо корона Кеттлеров на престол Курляндии, либо жезл русского маршала...

Де Еон понемногу примирился с судьбой. Да и стоит ли огорчаться, если такой авторитет, как Вольтер, и тот не брезговал шпионскими поручениями королей. Мало того, сам на них набивался...

Сближение Версаля с Веной, подготовленное трудами Кауница, уже наметилось, и Людовик поторапливал своих агентов. Дуглас должен был отправиться в Россию. В один из дней его тайком провели в комнату, наглухо обитую сукном; невзрачный человек поднялся ему навстречу.

– Меня зовут Терсье, – сухо поклонился он. – Меня вы должны слушаться так же, как и принца Конти... Король позволяет вам отправить из Петербурга только одно письмо! Шифр ваш несложен. Отвечайте же быстро, без промедления... Первое: английский посол Вильямс?

– Черная лисица, – ответил Дуглас, не подымая глаз.

– Значение англичан в Санкт-Петербурге растет?

– Лисица подорожала.

– Тридцать тысяч русских солдат в Ливонии?

– Пятнадцать шкур я уже выслал.

– Но русская партия Шувалова влияет на императрицу...

– Горностаи в большой моде, – отвечал Дуглас без запинки. – В случае же усиления в Петербурге влияния графа Эстергази, посла Австрии, я ссылаюсь на дешевые волчьи шкуры.

– Справедливо, сударь! Но соболь вдруг в цене упал...

– Это значит, что канцлер Бестужев пошатнулся.

– Хорошо. – Терсье одарил его бледной улыбкой. – Особое же ваше внимание – взгляд на Турцию через окна петербургских дворцов. Поняли? Король Франции ныне обеспокоен постройкою русскими крепостей на границах султана... Если же вас постигнет неудача, пишите в Париж через Стокгольм всего три слова: «Муфта уже куплена». Помните: если попадетесь в лапы русской инквизиция, мы отказываемся от вас; Франция и король вас не знают. А вот вам и подробная инструкция!

Инструкция была написана столь бисерным почерком, что умещалась на дне черепаховой табакерки: в переговоры не вступать, но держать глаза и уши раскрытыми; особое внимание обратить на двух человек при дворе – Ивана Шувалова и вице-канцлера Михаила Воронцова, – эти люди желают союза с Францией! Дуглас, под видом скупающего геолога-дилетанта и библиомана, отправился в опасное путешествие.

А тем временем тайком от министерства, под наблюдением того же Терсье, ловко работали три подмастерья – портной, сапожник и переплетчик. Первый вшивал в дамский корсет текст полномочий за подписью короля; второй заколотил в каблук женской туфельки ключ к шифрованной переписке; третий переплел в кожу томик Монтескье «О духе законов», в котором только один де Еон мог отыскать тайники для хранения переписки между Елизаветой и Людовиком (если эта переписка возникнет).

Вслед за Дугласом, неторопливо нагоняя его, отправился в дорогу и де Еон. Впрочем, правильнее писать: отправиЛАСЬ, ибо де Еон ехал в Россию под видом женщины. Роскошные

туалеты, в которых защеголял наш адвокат, были справлены под наблюдением принца Конти, знавшего, как надо женщине одеваться, чтобы она нравилась мужчинам!

* * *

Дуглас петлял по Европе, словно заяц, замечая свои следы. Он посетил Вену, откуда завернул в Богемские леса; в Силезии осматривал копи, выказав немалые познания в рудном деле, и, быстро прошмыгнув через Польшу, вдруг вынырнул в Данциге; здесь Дуглас заявил, что отплывает в Швецию, после чего пропал – и появился в Ангальт-Цербстском княжестве, где и дождался прибытия де Еона – «своей милой племянницы».

Тронулись сообщая далее – безголосые, хитрые, зоркие.

За мызою Кальви, этой первой курляндской станцией, уже не было еврейских корчм, – потянулось хорошее шоссе, огражденное ровными канавами. Край показался де Еону хлебным. Деревни краснели кирпичом и черепицей. Вечером «дядя с племянницей» въехали в чистенькую Митаву – столицу Курляндского герцогства, правитель которого, Эрнст Иоганн Бирон, отсиживался тогда в ярославской ссылке как преступник.

Остановились в гостинице «Под черным орлом».

На окраине Митавы – за рекой Аа – чернел древний замок, окруженный рвами с затхлой водою.

– Вон, вон! – показал Дуглас в окно. – Вон и русские...

Оживленно беседуя, мимо гостиницы прошли солдаты, ведя в поводу двугорбых верблюдов с кладью. Потом над притихшей к вечеру Митавой раздался дружный и дикий вой:

– Хаю-ю... хой-хой-хой!

Взметая пыль, пролетела под окнами конница. Пестрели халаты калмыков, щетинились острые копья, болтались у седел колчаны со стрелами. Было что-то неукротимое и яростное в этом набеге маленьких задорных лошадок с раскосыми всадниками.

– Оказывается, из окна можно много увидеть! – хмыкнул Дуглас. – Смотрите, вон идут новые войска Елизаветы...

От водопоя на Гроссбахе, напоив лошадей у замка ливонских крестоносцев, проплыли через Митаву величавые и гордые пандуры – пух и перья, усы и золото, блеск и гордость! А в стременах, кованных из чистого серебра, торчали босые черные пятки. Это были сербы, хорваты, черногорцы и болгары, которых Россия приняла под свои знамена как эмигрантов, бежавших от насилия турок и австрийцев... Славяно-сербские легионы! Они тоже стояли на рубежах России, неся кордонную службу.

Лакей принес путникам свечи и белье, посоветовал:

– Обменяйте деньги. За Ригою вы сразу много потеряете при обмене, ибо Россия очень высоко ставит свой рубль.

Итак, переехав Аа, завтра они уже будут в таинственной и варварской России. Дуглас побывал в меняльной лавке. В сарае, настезь раскрытом на улицу, сидел русский купец со смышленным лицом. Он заговорил по-французски, но Дуглас ответил ему по-немецки. Перед менялой качался колченогий стол, на котором горками были разложены дукаты, голландские червонцы, серебро рублей, темная от времени медь; отдельно лежало на досках тяжелое и тусклое русское золото.

– Давно ли из Парижа, сударь? – любезно спросил купец.

– Я не француз, – заверил его Дуглас.

Меняла взял с него три процента в свою пользу.

– Ну, значит, – сказал он, – и в Данциг дошла эта глупая мода: букли короткие, полы кафтана срезаны.

– Вы ошибаетесь: я никогда не был в Данциге.

– Да? – нисколько не удивила меняла. – А по каким делам, сударь, изволите жаловать в Россию?

– Еду по совету врачей, дабы использовать благодеяния холодного климата...

Купец кривенько усмехнулся:

– А вы эскулапам не верьте: в Петербурге ныне жара...

Дуглас откланялся, а меняла закрыл свою лавку. Быстро прошел к себе, сорвал со стены окорок, сунул его в мешок. Каравай хлеба пошире выбрал и – туда же его! Водкой наполнил флягу до пробки и завязал мешок натуго. В два пистоleta он забил здоровенные пули. Вышел потом во двор, где приказчик его сидел на поленнице дров и печально играл на гобое.

– Васёнок! – окликнул его купец. – Подь-ка сюда. Коня седлай скоро, в Питер поскачешь с письмом от меня...

И через несколько дней, пока Дуглас с де Еоном узнавали о настроениях курляндских рыцарей, Тайная розыскных дел канцелярия в Петербурге уже знала о появлении на рубежах империи неведомых пока путешественников... Ведал же Тайною канцелярией граф Александр Шувалов – великий инквизитор и близкий сородич фаворита Елизаветы, Ивана Ивановича Шувалова.

– Этих гостей до нашей милости пропустить, нигде не чиня им неудовольствия, – распорядился Шувалов. – Нам неведомо еще, какого рожна им тут надобно. Может, и честные вояжиры, а может – хрен везут едучий в тряпке...

Русская контрразведка уже в те времена работала прекрасно. Погранвойск Россия тогда еще не имела, но границы русские были на крепком замке.

Интриги, интриги, интриги...

Вильямс продолжал разговоры о страданиях великой Польши, щедрой рукой подсыпая в карман Понятовскому золотишко.

– Вы еще молоды, – говорил посол, – и должны веселиться.

И где бы теперь ни появилась Екатерина, серые глаза прекрасного Пяста с тоской преследовали ее гибкую фигуру...

Великая княгиня только что пережила бурный роман с Сергеем Салтыковым, в объятия которого Екатерину толкнула сама же императрица. Елизавета свела их, чтобы иметь внука, – Салтыков должен был заменить Петра Федоровича, который брачных удовольствий остерегался. Но вскоре Салтыков впал в низкий блуд, пренебрегал Екатериной как женщиной, и чувство Екатерины было глубоко оскорблено... Теперь Вильямс пристально следил за нарастанием новой ее страсти – к Понятовскому.

– Ваше высочество, – спросил он однажды Екатерину, – что вы думаете о моем атташе? Не напоминает ли он вам античную вазу, заброшенную в груды жалкого мусора?

Екатерина ответила с легкой иронией:

– В наше время, господин посол, античные вазы в мусоре не валяются!

Бестужев-Рюмин имел глаз острый, как у беркута. Он был озабочен своим будущим. Против него многие: вице-канцлер Воронцов, Шуваловы, императрица тоже стала коситься; врагом Бестужеву была и сама великая княгиня, мать которой, эту шпионку Фридриха, он в три шеи вытолкнул прочь из России... «Елисавет Петровны, – размышлял канцлер, – тоже не вечны: сколь можно пить токай, плясать до упаду и ложиться спать на рассвете?..»

Бестужев-Рюмин решил сблизиться с Екатериной.

– Но, – сразу предупредила она, – если хотите дружбы моей, вы должны мне помочь. Я задолжала кредиторам, императрица скупа, а карточные долги... Однако, посудите сами, не могу же я не играть, если вокруг меня с утра до вечера, от мужа до лакея, все мечут карты!

И величаво склонился перед ней хитрый и умный канцлер империи.

– Ваше высочество, – сказал он, затаив улыбку, – еврей Вольф служит консулом при после британском, и его банк всегда будет открыт для ваших нужд...

Бестужев неспроста искал заручку в «молодом дворе». Если Елизавета в гроб ляжет, молодые на престол воссядут – надо заранее при них укрепиться. Тем более что «система» канцлера уже начала потрескивать. Версаль и Вена с ужимками и гримасами, но все же сходились для дружеского котильона... Бестужев-Рюмин боялся этого союза, который сломал бы всю его «систему».

А между тем вековая распря между Бурбонами и Габсбургами заканчивалась анекдотом. Трижды отбрасывалось перо гордой Марией Терезией. Ей, наследнице римских цезарей, писать этой шлюхе Помпадур?.. Да никогда! Но Кауниц взял руку императрицы в свою, силой заставив Марию-Терезию вывести первые любезные слова: «*Ma chère amie...*»

А на русского канцлера наседали посол Вильямс:

– Дорогой друг, когда же ваша императрица соизволит подписать конвенцию? Пошел уже третий год...

– Что поделаешь, – вздыхал Бестужев. – Но сейчас у ее величества вскочил песык на глазу, и всё зависит отныне только от сахарных примочек грека Кондоиди.

Сэр Вильямс наконец потерял терпение.

– Как ячмень на глазу может тормозить ход истории? – бушевал британец. – О-о, понимаю, понимаю... Грек Кондоиди воистину великий человек: от его примочек зависит судьба Европы!

Бестужев и сам изнывал. Тем более что англичане, как торговая нация, любили платить сдельно. Но когда он намекнул на денежные обстоятельства, Вильямс прямо ответил, что канцлеру не следует спать до пяти часов дня...

– А лучше нагряться в Аничков дворец к Разумовским, где и перехватить Елизавету между ее дневным сном и ночным бодрствованием... Я не хочу угрожать вам, – добавил Вильямс (всё-таки угрожая). – Но если песьяк императрицы виной тому, что Россия не желает получить субсидии, то ее охотно возьмет от нас король Пруссии, который на песьяки не жалуется!

Вильямс был крут. Он сменил старого Гая Диккенса, для которого Петербург казался слишком «подвижен»: надо танцевать, флиртовать, вообще двигаться. Новый посол заверил парламент, что «подвижности» не страшится, и доказал это ногами, не пропустив ни одного куртага. Вильямс думал, что под игривую музыку Франческо Арайя веселая Елизавета скорее подпишет конвенцию. Но он ошибся...

Императрица плясала с послом Англии – так плясала, что пыль столбом, а договор на поставку русских солдат для Англии, которые должны защищать Ганновер, так и лежал чистехонький! Вильямс не раз заговаривал с императрицей о делах, но Елизавета только хохотала в ответ, и было видно, что сегодня она опять не в меру пила токайское. «Что это? – негодовал Вильямс. – Лень или азиатская хитрость? Скорее – козни Шувалова с Воронцовым...»

Оставался еще «молодой двор» – с голштейн-готторпским балбесом и ангальт-цербстской умницей, и Вильямс зачистил в Ораниенбаум, прихватывая с собой и Понятовского.

– Бывают случаи, – внушал посол своему секретарю по дороге, – когда благоразумие должно уступить в поединке со страстями, и сознание долга перед вашей несчастной родиной пусть освободит вашу совесть...

* * *

Был жаркий день святых Петра и Павла; великий князь Петр, как именинник (и отец именинника), напился с – быстротой, достойной всяческого удивления. Его отвели в бильярдную, заперли на ключ, а ключ Екатерина забрала себе. Вильямс постарался овладеть вниманием великой княгини и за ужином сидел рядом с нею. Окна и двери были раскрыты прямо в зелень парка, противно кричал в зверинце павлин, где-то вдали рокотали голштинские барабаны: ру-ру-ру, тру-тру!..

Вильямс ковал железо, пока оно горячо.

– Кротость, – говорил посол, – достоинство жертв. Ничтожные хитрости и скрытый гнев не стоят ваших дарований. Люди в массе своей слабы, и первенство над ними одерживают только решительные натуры... Такие, как вы!

Посреди разговора в комнате появилась молодая горбунья, вся в цветах и лентах, а лицо – злое, тонкое и вороватое.

– Взззз, – прозвенела она, оглядываясь, – взззз...

– Чего ищешь, Гедвига Ивановна? – с лаской спросила ее Екатерина. – Ключик небось от бильярдной? Так на, забери.

– Взззз... – И, схватив ключик (а заодно два апельсина со стола и выдернув свечку из шандала), горбунья удалилась, волоча за собой помятую ногу.

– Кто это? – поразился Вильямс.

– Вы удивитесь, господин посол, узнав, что это дочь ужасного герцога Бирона; она бежала от отца из ссылки, купив себе свободу переходом в православие. Злюка сия приставлена охранять мою нравственность.

– Вот как? – рассмеялся Вильямс.

– Да. Но работы для нее мало. И пока принцесса Бирон, несмотря на свой отвратительный горб, разрушает последние жалкие добродетели моего супруга. Как видите, я далека от припадков глупой ревности...

Заиграли скрипки, отворилась дверь, и кастрат Манфредини, полузакрыв глаза, сладко запел о любовных восторгах. Великая княгиня нервно затеребила веточку вишни.

Вытянув руки, словно слепец, кастрат прошел мимо них, не прерывая пения. В растворе дверей он вдруг притушил свой волшебный голос – почти вышептывал слова любовных признаний. Глаза Екатерины потемнели, губы ее, и без того крохотные, сжались в одну яркую точку... А посол все говорил и говорил о том, что мать Понятовского – из семьи Чарторыжских, которые сильны в Польше как раз своим русским влиянием; о том, что ему доверена судьба этого высокоодаренного юноши...

– Очень строгое воспитание! – наложил Вильямс на картину последний решающий мазок, и Екатерина поднялась, несомненно что-то важное решив для себя именно в эту минуту.

– Благодарю за рассказ, – произнесла она отвлеченно.

Голос Манфредини взлетел высоко-высоко... Вильямс отыскал Понятовского: разгоряченный танцами, атташе с аппетитом уплетал мороженое из китайской вазочки. Посол незаметно стиснул ему локоть и злобно прошептал:

– Великая княгиня спустилась в сад... А вы, как ребенок, наслаждаетесь мороженым!

– Но разве это возможно?

– Она уже там, за боскетом. Ждет... Идите же!

Станислав Понятовский робко вступил в темноту парка. Над верхушками деревьев тянуло ветром, и парк ровно гудел под дыханием близкого моря. Вокруг не было ни души, и секретарь чуть не заплакал в отчаянии:

– Йезус-Мария, сверши чудо... О matka бозка!

На глухой тропинке стройной тенью выступила великая княгиня. В руке она держала ветку, отмахиваясь от комаров. Понятовский двинулся навстречу женщине.

– Ваше высочество... – бормотнул он, становясь жалким.

Екатерина шумно вздохнула:

– Я не высочество для тебя – я слабое женское ничтожество. Так возлюби же меня, прекрасный Пяст!

И, падая на траву, мокрую от росы, она увлекла его за собой. Вдали рокотал голштинский барабан...

* * *

С этого момента над головою секретаря засияла корона польских королей, и Англия (страна просвещенных мореплавателей) теперь держалась за Россию двумя якорями сразу:

деньгами – через великого канцлера Бестужева и любовью – через великую княгиню Екатерину...

Но, читатель, не будем спешить с выводами. Посмотрим, чем завершится этот странный политический дрейф, в котором стало болтать политику России... С мачт своих парусов Россия ведь не убрала – ее несло в открытое море, на просторы!

Подозрения

Когда Дуглас инкогнито появился в Петербурге, Вильямс уже торжествовал, вырвав у русского двора подписание конвенции.

Теперь Англия, завязав клубок интриг в Европе, могла спокойно грабить колонии французов в Америке; эскадры британских кораблей уходили в океан, безжалостно разбивая ядрами любое судно французов... Вильямс объяснял уступчивость Елизаветы тем, что все деньги —

«...поступят в шкатулку императрицы. А так как она занята в настоящее время постройкой дворца, — писал он в Лондон, — то для окончания его нуждается в деньгах... Государственный канцлер (Бестужев получил 10 000 фунтов стерлингов) вел себя при этом прекрасно и отразил на своем жадном лице большую радость, когда его алчность была мною удовлетворена».

Вильямс так спешил с подписанием этого договора, что в порыве энтузиазма допустил даже прискорбный вывих противу сент-джемского этикета.

— Пусть мой брат король Георг первым ратификует листы сии, — сказала Елизавета, и Вильямс не стал ждать, пока корабль сорвет с якорей; согласился сразу!

В Лондоне, конечно, поморщились, но «листы сии» ратифицировали. Исподтишка англичане ознакомили с конвенцией и Пруссию. «Хватит болтать о чувствах дружбы! — обеспокоенно заметил Фридрих. — Король должен иметь только свои выгоды». И король гнал и гнал переговоры с Англией, взламывая всю политику «равновесия» Европы; Фридрих спешил, как никогда, чтобы опередить Россию в получении субсидий от Лондона, а времени оставалось в обрез. Англо-российский субсидный договор, ратифицированный Лондоном, уже лежал на столе Елизаветы... Король понимал: Елизавета может затянуть ратификацию на год, а может в запале покончить одним взмахом пера хоть сегодня ночью!

Но Дуглас, появясь в России, ничего этого не знал и неумело, но храбро двинулся напролом — отправился в британское посольство.

Понятовский доложил Вильямсу, что его желает видеть «знатный соотечественник», и посол был в недоумении:

— Странно! Откуда он взялся, этот «знатный соотечественник», если корабля из Англии не было уже две недели... Ну, пусть войдет!

Дуглас вошел почтительно, но свободно.

Вильямс оглядел незваного гостя.

— Кто вы? — спросил без любезностей.

— Я родственник лорда Мауртона.

— Назовите себя, а не своих родственников!

— Видите ли, сэр (и, опустив глаза долу, Дуглас выдал в себе иезуита), я путешествую для развешения души и хотел бы иметь случай быть представленным к здешнему двору.

— Это редкий случай, — сказал Вильямс, — когда человек желает видеть императрицу, но упорно не называет своего имени!

— Меня зовут Дуглас... можете звать и Маккензи — я родственен дому шотландских Гамильтонов.

— Убирайтесь вон! — заорал Вильямс, сатанея. — Дугласы и Гамильтоны — вот шайка, которая таскается по чужим дворам, облизывая тарелки⁵. Если вы честный британец, так купите

⁵ Дугласы, Маккензи и Гамильтоны в разные времена служили в России, спасаясь от религиозных преследований на своей родине; Гамильтоны позже назывались Хомутовыми и были ближними родственниками царя Петра I.

себе ружье и плывите в Канаду – именно там, за океаном, Великобритания сейчас обретает свое богатство и величие!

Волны Ладожского озера, о которых так много рассказывал принц Конти, казалось, уже смыкались над головой Дугласа. Но французские коммерсанты, давно обрусевшие, помогли ему проникнуть к Воронцову, который был вице-канцлером и сторонником союза с Францией...

– Имею поручение, – брякнул Дуглас с разгону, – предложить себя в библиотекари и прислать образцы бургундского вина...

Михаил Илларионович был из числа «пужливых».

– Да бог с вами, – отступил он подальше от гостя. – Какой там еще библиотекар? Какое вино?

– Библиотекар – это я, а вино – суть лица, необходимые для переговоров между Версалем и Петербургом.

– Вот так и надобно сразу говорить, – смекнул Воронцов, прищелкнув пальцами. – А каковы ваши полномочия, сударь?

– Я лишь первая ласточка Версаля, – признался Дуглас, – и пока никаких полномочий, кроме добрых желаний короля Людовика, я не принес...

Тут вице-канцлер решил, что перед ним очередной авантюрист, какие часто навешиваются в Россию, и взялся за колокольчик.

– Жано! – сказал Воронцов лакею-французу. – Будьте добры, милый, сведите этого господина вниз по черной лестнице, чтобы никто его не заметил, и более ко мне не допускайте!

И тайный агент короля снова пустился в бега до самого Парижа. Но – проездом через Митаву – Дуглас все-таки успел разменять русские рубли обратно на дукаты, и знакомый меняла, как и прежде, высчитал с него три процента в свою пользу.

– Что так недолго гостили, сударь? – спросил с ухмылкой.

– Европа плохо знакома с климатом России... Лечиться там нельзя: жара страшная, а ночью кусают комары.

Дуглас был так поглощен страхами перед русской инквизицией, что в гостинице «Под черным орлом» он даже не заметил одного человека. А этот человек был того же поля ягода, что и Дуглас. Только он был послан в Россию не от короля из Версаля – его направили шпионить из Варшавы... Два шпиона жили под одной крышей и прохлопали друг друга. Дальше началась комедия!

* * *

Когда Дуглас отъехал, он не знал, что «Под черным орлом» остались пить вино два истых француза.

Один из них плотно вошел в историю русской культуры, его имя неотделимо от имен Ломоносова и Леонарда Эйлера. Это был актер Чуди, который издавал в Петербурге альманах «Литературный хамелеон». Из Чуди он переделал себя в кавалеры Люсси. Потом этот Чуди-Люсси переехал на даровые харчи в дом Шувалова, где самовольно произвел себя в графа Пютланжа. В те времена люди не стыдились называть себя, как им больше нравилось.

Выпив вина и наговорившись, Чуди – Люсси – Пютланж спросил соседа:

– А кто вы, мсье?.. Я про себя уже все рассказал вам!

Собутыльником его оказался французский шпион.

– Клянись, – таинственно прошептал он, – во имя Франции и короля оказать мне услугу... Меня зовут Мейссонье де Валькруассан, и вы, надеюсь, не откажете мне в любезности донести до Парижа важные сведения... Вы же едете в Париж?

– О да! Меня там ждут дела. Я ведь когда-то был актером! Вы можете мне верить: я скорее стану гребцом на алжирской галере, нежели подведу такого патриота, как вы.

Чуди забрал у Валькруассана все его секретные бумаги и отправил их прямым путем в Петербург – к своему покровителю Шувалову. После чего этот Чуди с чистой совестью ускакал в Париж, где его за прошлые «актерства» давно поджидала камера в Бастилии! В комедии осталось одно действующее лицо – Валькруассан.

Этого комедианта арестовали в Риге (тайком от канцлера Бестужева) и – за счет Шуваловых! – со всеми удобствами покатали в Россию, где его поджидала камера в Шлиссельбурге. Таким образом «патриоты» оказались каждый на том месте, какого они и заслуживали...

Валькруассан видел теперь из окошка крепости волны Ладожского озера, с ревом наступавшие на низкий берег, и сидел от ужаса. В один из дней его спустили в подвал русской Бастилии. Громадный мужик с дерюжинкой на поясе раздувал мехи горнила, докрасна накаливая здоровенные клещи. А за столом сидел ласковый русский дедушка в паричке набок. Он любовно перебирал лежавшие перед ним ржавые клещи, щипцы для вырывания ноздрей, плети-семихвостки.

– Не надо! – дико закричал Валькруассан. – Только не мучайте... Я всё скажу вам! Милосердия, милосердия...

Дедушка погладил шпиона по головке, как родного сына:

– Что вы, сударь? Разве же я вам сделаю плохого? Это мы так... балуемся. Ну-ну, не плачьте. Садитесь-ка вот сюда. Выберите перышко да отпишите нам всё по порядку... Кто такой? Кто послал? Чего надобно в России?

Валькруассан отписал по порядку: секретарь французского резидента в Варшаве, графа Брольи, он прибыл с поручением следить за вооружением России; Версаль озабочен – каковы истинные намерения русского двора и каковы взгляды Елизаветы на сближение России с Францией.

– Ну вот и всё, – сказал дедушка, снимая очки. – Премория ваш хоть куда! А вы, сударь, пугались... Это нехорошо: ведь французы – народ смелый... Яшка, – крикнул он палачу, – гаси поддувало да струмент пытошный сложи. И так обошлось...

Этот же Яшка, перестав быть палачом, сделался цирюльником. Валькруассана побрили, причесали и (опять-таки тайно от Бестужева) водою доставили в Петербург – по Неве, под парусами. Оттуда – через сады – в дом Ивана Шувалова. Стол уже был накрыт, француза деликатно оставили одного, и Валькруассан впервые в жизни наелся русской икры. Вино тоже было преудивительное – только для француза!

– А сейчас, – с поклоном вошел лакей, – вам предстоит разговор с очень важной персоной...

К французам вышел сам фаворит императрицы Иван Иванович Шувалов, но себя не назвал и повел осторожные речи:

– На один из вопросов, для выяснения которого вы и пытались пробраться в Россию, я вам отвечу без утайки... Да! Моя государыня огорчена разладом с Версалем, особенно тем нелестным тоном, в котором газеты Парижа отзываются на все происходящее в России... Не думайте, что если мы, русские, живем на отшибе Европы, то для нас безразлично, что говорят о России! Мы очень внимательно следим за иностранной печатью. И передайте тем, кто вас послал: сначала измените тон в печати, а потом добивайтесь дружбы с нами!

– Вы заслужите бессмертие, – воскликнул Валькруассан, – если подвигнете свою императрицу к союзу с моим королем!

– У нас хватает союзников, – брезгливо поморщился Шувалов. – И не нам, русским, искать их. Россия достаточно могущественна, ей не надо искать кого-то. От самой Франции зависит этот союз... Версалю нет дела до Польши! А тем более незачем подбивать султана турецкого на войну с нами... Можете передать это тем, кто вас послал!

Валькруассан прижал руку к сердцу, распетушился:

– Клянусь! Именем той прекрасной, которое не смею произнести, но которая изнывает по мне в Варшаве и которую зовут Ядвига Падревска... Клянусь! Я сейчас же брошусь в Париж, чтобы довести до моего короля столь важные признания.

Шувалов поиграл сверкающей табакеркой:

– Сейчас, сударь (и нюхнул табачку), вы не в Париж броситесь. А мы вернем вас обратно в крепость Шлиссельбурга, где вы и пробудете до тех пор, пока мы не разменяем вас, как шпиона...

– Разменяете?.. Как шпиона?.. На кого?

– Мой просвещенный друг Чуди сидит в вашей Бастилии. Уже по этому вы, мсье Валькруассан, можете понять, как высоко я вас оценил...

Впоследствии два «патриота» были освобождены, и на полдороге (где-то между Парижем и Веной) коляски их встретились.

– О, вот и вы, кавалер Валькруассан! – обрадовался актер Чуди, он же Люсси и, наконец, граф Пютланж – последовательно.

– Ты не ошибся, скотина!

– Зачем же так грубо?.. Откуда вы, сударь?

Но коляски уже разъехались.

* * *

Первое действие нашей книги подходит к концу. Остается сделать выводы... И французы и русские были заинтересованы в политическом и культурном сближении. Недоверие из-за прошлых событий мешало им сойтись окончательно. Но агенты уже работали в этом направлении. Работали тайно! Союза пока не вышло. Но союз назревал. Было еще неясно, в какие он формы выльется. И – самое главное – против кого он будет направлен?

Пруссия опасна для России. Но Версаль дружит с Сан-Суси.

Не будем гадать – что и как. Подождем. Время покажет.

Куда делся де Еон?

Теперь читатель вправе спросить у меня:

– А куда же делся де Еон, который в женском платье, под именем Лии де Бомон, приехал в Петербург вместе с Дугласом? Столько автор наговорил нам о ее женских нарядах, о томике Монтеस्कье и прочем... Где же он? Или, точнее, где же она?

На это я могу ответить читателю, что, много лет собирая материалы о де Еоне, я мучился тем же: куда он делся, проклятый? Где схоронил свои концы? В своих сомнениях я иду дальше и ставлю вопрос так: был ли он вообще тогда в Петербурге?

Да что я! Вот французский историк Мишо – он работал по самым свежим следам, сразу после смерти де Еона он взялся за его изучение, – и Мишо в бессилии отступил, вынужденный заявить во всеулышание: «Незачем тратить бесплодные усилия на поднятие этой непроницаемой завесы...»

Так ли это? Вот что может узнать читатель из газеты «Неделя»⁶:

«Елизавете представили француженку, и императрица была очарована красотой, скромностью и умом Лии де Бомон. В одни сутки (!) де Еон стал могущественной фавориткой царицы. Он был назначен фрейлиной (!), а вскоре – чтицей к императрице... Лия де Бомон не только читала императрице книги, но и беседовала с ней, выясняя вкусы, склонности, желания. Убедившись в безопасности предстоящего шага, Лия де Бомон принесла в спальню царицы «Дух законов» Монтеस्कье... В роскошном переплете было спрятано личное послание Людовика XV, приглашавшее царицу вступить с ним в секретную переписку...»

Если бы я не уважал читателя – я бы, наверное, так и писал, как изложено здесь, и моя книга от этого сразу бы стала интереснее. Но я слишком уважаю нашего грамотного читателя и не стану насыщать его душу подобной белибердой...

Вместо этого я предлагаю читателю заодно со мною попытаться разобраться во всем. Начнем с «могущественной фаворитки», какой будто бы стал де Еон в «одни сутки». Даже если бы де Еон потратил на это десять лет жизни, он все равно не стал бы фавориткой. В царствование Елизаветы Петровны женщины никогда не играли при дворе никакой роли, ибо императрица чуждалась женского общества, предпочитая ему – мужское. У нее были только подруги, но фавориток не было!

Тем более не мог де Еон стать и фрейлиной. Русские девушки знатных фамилий избирались во фрейлины не по своим личным качествам, а лишь по боевым и гражданским заслугам их отцов и дедов (какие же заслуги перед Россией могли иметь предки нашего кавалера?). Никогда и нигде Лия де Бомон не значилась в придворных списках – такой просто не существовало при дворе.

Возвращаемся к главному вопросу: был ли тогда де Еон в Петербурге вместе с Дугласом? Документы не дают ответа (хотя молчание в истории не может являться доказательством), и четко говорит об этом только один человек.

Этот человек сам де Еон.

– Да! – утверждал де Еон в своих мемуарах. – Да, я был тогда в Петербурге... Да! Я носил тогда женское платье, в котором мне, с помощью Воронцова, было легче проникнуть к подозрительной русской императрице...

Верить ли нам де Еону, читатель? Нет, этому трансформатору верить не следует. Он сам умышленно так запутал свою жизнь, что, может, историк Мишо и прав, говоря: «Незачем тратить бесплодные усилия...»

⁶ Газета «Неделя», 1966, № 42 (346) – статья В. Лишевского «Шпион короля, фрейлина императрицы».

Правда, документы того времени очень глухо и невнятно упоминают, что возле Елизаветы Петровны в этот период действительно крутилась какая-то таинственная «француженка». Кто она была? Это могла быть модистка. Это могла быть дама для разношивания новых туфель императрицы. Это могла быть и чтица романов. Но вряд ли это был де Еон.

Историки Франции, работая в архивах Парижа, поначалу дружно признавали проникновение де Еона к Елизавете. Но потом огулом стали отрицать этот факт (опять-таки не вылезая из архивов Парижа). Где же правда, читатель? Кажется, мы дошли до того момента, что надо занавесить окна, погасить свет, положить пальцы на блюдечко и взывать к духу нашего авантюриста:

– Кавалер де Еон, восстаньте из праха, черт вас побери! Отвечайте по чести: куда вы делись?..

Но прах де Еона давно развеян по ветру, и над местом его могилы теперь с грохотом и воем пролетают электрички Средне-Британской Великой железной дороги... Оставим этот вопрос. Как бы то ни было, для нас важно другое: де Еон вскоре появился в России, и это подтверждено историей.

«Второй раз я прибыл в Петербург, – говорит о себе де Еон, – в качестве секретаря дипломатической миссии и... как родной брат девицы Лии де Бомон!»

В это легко поверить, ибо брат всегда похож на свою сестру.

Пусть будет так. Поверим на слово покойнику. Хотя...

– Аминь – король – Бастилия! – это ведь тоже не пустые слова.

Опустим занавес.

Антракт.

Действие второе Приступы

Занавес

Далеко за океаном, на берегах реки Святого Лаврентия, солдаты в синих штанах подрались с солдатами, у которых штаны были красного цвета.

Колониальная война между Англией и Францией, зародившись в Новом Свете, быстро приближалась к Старому Свету.

Россия брала деньги от Англии, но при этом сражаться за Англию не желала, устремляя армию против «захватчивой» Пруссии.

Фридрих II, в свою очередь, жаждал получить субсидии из Лондона, чтобы с помощью британского золота оторвать от германских земель кусок земли пожирнее для своей Пруссии.

Австрия тоже не гнушалась подачками от Англии, чтобы вернуть для себя княжество Силезии, отвоеванное у нее Фридрихом.

Франция не могла побить Англию на островах, но готовилась отомстить ей в Европе, заняв Ганноверское курфюршество, с престола которого курфюрсты пересели на королевский трон Британии.

Тогда англичане, заключив договор с Фридрихом, купили прусскую армию против Франции, чтобы Людовику, скованному войной в Европе, было уже не до заокеанской войны в колониях.

Франция, в панике от черной измены своего «старого друга Фрица», вынуждена была броситься в заранее распахнутые объятия своего «старого врага» Австрии...

Именно с такой логикой вызревала война, которая уже нависла над народами Европы; все ждали, что скажет Россия – единственная страна, способная противостоять железным колоннам дисциплинированной Пруссии.

Стрелки дипломатических компасов твердо показывали на Петербург – на берегах Невы тепло и гулко билось обнаженное сердце европейской политики.

Это было тревожное время, и молодая, быстро растущая Россия любила ходить в военном мундире.

Отец Радищева служил солдатом в Преображенском полку.

Дед поэта Пушкина тянул лямку армейского капитана.

А прадед Льва Толстого стройным гвардейцем шел к венцу с княжностью Щетининой и был упоен любовью.

Суворов только что получил первый чин офицера, читал по вечерам Плутарха и писал очень плохие стихи, мечтая о славе поэта.

Он еще не знал, что иная слава ждет его впереди, как не знала того и сама Россия. Большая и уютная, она лежала в замети мерзлых снегов, и лишь изредка мелькали во тьме тусклые огни редких деревень.

Жгли лучину, и матери баюкали детей – наших пращуров, читатель!

И близилась война, получившая название Семилетней.

Мир затаился и притих в ожидании первого выстрела...

Курки уже взведены, и – кто будет тот смельчак, который отважится выстрелить первым?

Высокая политика

В преддверии грозных событий Фридрих не забывал об украшении Сан-Суси. В бедном платье сейчас он плыл по каналам Голландии, по дешевой цене скупая картины старых мастеров (кто заломит втридорога с бедного человека, трясущегося над каждым талером?). В таверне Амстердама, которая славилась своими паштетами, трактирщица сказала королю:

– Еще чего захотел! Паштет тебе? Да где ты, бродяга, возьмешь гульден, чтобы расплатиться со мной по-божески?

– Так и быть, я сыграю тебе, – вздохнул король и, достав флейту, заиграл... Он играл долго, прикрыв глаза, не замечая трактирного шума, пока женщина не придвинула ему тарелку с паштетом, пока рядом с ним не уселся восторженный незнакомец:

– О как вы вдохновенны, сударь!

Король спрятал флейту и взялся за кривую вилку.

– Что делать, – отвечал он. – Нужда всегда порождает во мне острые приступы вдохновения...

Они беседовали недолго, но интересно. И незнакомец по имени Анри де Катт (уроженец швейцарских кантонов) оказался на редкость умным и живым собеседником. В разговоре с ним король не раскрыл своего титула, а на прощание сказал:

– Ты напиши мне, сынок... в Бреславль! Может, я тебе пригожусь...

Они встретились в Бреславле, и де Катта ввели в покои его величества – короля прусского. Фридрих издала протянул ему руку:

– Узнаешь ли ты старого бедного флейтиста? Не хочешь ли, сынок, и ты подуть в мою удивительную флейту?

– Но моя вера... но мое подданство...

– Всё это – чепуха для одурачивания людей! – рассмеялся король. – Что родина? Что религия? Это ложь. Человеку хорошо только там, где ему хорошо... Скажи по чести: место секретаря при моей особе тебя устроит?

– Недостойн, ваше величество!

– Достойн тот, кто удостоен моего внимания...

Они прибыли в Сан-Суси, король свел де Катта по террасам в Нижний сад, где посреди зеленой лужайки, на постаменте из белого каррарского мрамора возлежала прекрасная юная богиня.

– Изображение Флоры украшает вид Сан-Суси, – заметил де Катт.

Фридрих ударил тростью по мрамору постамента:

– Разве ты не видишь, что богиня возлежит на... саркофаге?

Действительно, под Флорой уходил в землю могильный камень.

– А еще ниже, – произнес король, – мною вырыт склеп. Наивной прелестью укрыл я свое мрачное прибежище. Там-то я высплюсь за всю свою бессонную жизнь. Помни, де Катт: король всегда готов к войне, а значит, он готов и к смерти...

Де Катт остался при Фридрихе на двадцать лет. Он прошел с королем все громы битв и оставил нам в своих записках короля Пруссии живым, дерзким, афористичным, то страдающим, то ликующим. Благодаря де Катту мы знаем каждый шаг короля.

* * *

Сейчас король нюхал табак, стучал перстнем по картам Европы и беспокойно озирался: где суть? Переговоры с Лондоном велись успешно, но... не хотелось бы ссориться и с Людовиком! Исподтишка, через потаенные каналы дипломатии, Фридрих с цинизмом небыва-

лым предложил Версалью двинуть свои войска и взять у англичан Ганновер... «То-то будет потеха!» – смеялся король.

Но Версаль на это ответил ему – через своего посла:

– Король Франции советует вам как другу, чтобы вы сами захватили Ганновер, и тем вы еще более укрепите дружбу Потсдама с Версалем...

Париж еще не знал, что Берлин вот-вот заполучит субсидии от Англии, и Фридрих, как хороший актер, вдруг разыграл перед послом Франции приступ бешеной ярости:

– Как вы можете давать мне такие советы? Вы разве забыли? Да у меня русские легионы сидят на шее в Курляндии! Вы, французы, просто счастливы, ибо не можете знать того страха, который я должен постоянно испытывать перед Россией...

И час пробил; в январе 1756 года Лондон заключил с Пруссией «Вестминстерский» договор – тоже субсидный (очень похожий на тот, который Вильямс, с помощью Бестужева, вырвал у Елизаветы).

– Великолепно, – обрадовался Фридрих, – теперь Россия нам не опасна, а на войну, как и на свадьбу, ходить с пустым кошельком никому не советую...

Но прискакал в Сан-Суси, совсем некстати, запыхавшийся герцог Нивернуа – посланцем лично от Людовика XV.

– Франция вам так верила, как, может, не верила самой себе! Что вы сделали? – ужасался Нивернуа. – Версаль и король в отчаянии от вашей черной измены.

– Измены? О нет! – сразу отперся Фридрих. – Этим договором я оказал только услугу Версалью. Отныне вы можете спокойно заниматься вашей излюбленной «тресковой войной» возле Ньюфаундленда с британскими корсарами. А я беру на себя вашего врага Австрию и... Улыбнитесь же, герцог! Сейчас я вас обрадую. Тех русских, что сидят на моей шее, я тоже беру на себя. Версаль, таким образом, может с головой залезть в польские распри – русским станет не до поляков!

– Но Англия, Англия... – страдал Нивернуа. – Как вы могли? Ведь британцы уже залезли в нашу Канаду!

Фридрих раскатал перед герцогом карты:

– Я всё продумал. Продумал за вас! Франции лучше всего высадить свою армию на берега Шотландии. Смотрите, герцог... Я всё продумал. Всё, чтобы обессмертить имя Франции в веках высадкой десантов на острова Королевства!

Так говорил человек, только вчера заключивший договор о дружбе с Англией, – недаром же Гитлер почитал Фридриха великим и безгрешным, почти святым королем.

* * *

Мнимое «равновесие» Европы пошатнулось. Пруссия невольно становилась врагом Франции. Теперь Елизавете Петровне осталось ратифицировать договор о союзе с Англией, и тогда русские невольно оказались бы в союзе с Пруссией. Но в России вели себя так, будто ничего не ведали. Они и на самом деле ничего не ведали: до Санкт-Петербурга еще не доскакали курьеры с новостью. Ратификации договора по-прежнему томились на столе Елизаветы, и она, как всегда, оттягивала их подписание:

– Ой, да погодите... Не быть ли мне зазря битой?

Вильямс в гневе депешировал в Лондон: «Ратификации шестую неделю лежат неподписанные на столе императрицы». А потому, когда канцлер при встрече с Вильямсом спросил как бы невзначай: «Ежели Фридрих нападать на нас станет, какую помощь окажет нам Англия?» – то, в ответ на это, Вильямс ответил вопросом:

– А ваша императрица ратифицировала конвенцию?

– Пока нет.

– Тогда и разговор о помощи со стороны его величества, короля моего, откладывается...

Бестужев-Рюмин понял: коготок взнет – всей птичке пропасть. Ведь деньги-то у англичан он уже взял. И крышу во дворце своем настелил новую. И стекла зеркальные из Брюсселя вывез морем... Теперь самому платить надобно. Платить – делом!

Выбрав момент, когда Елизавета хворала, канцлер нагрянул к ней с жалобами:

– Великая осударыня! Опять ковы чувствую, опять недруги сожрать меня силятся...

Доколе же терпеть мне, немощному?

– О чем ты, Петрович?

– Да как же, матушка! Вот возьмут англичане конвенцию сию и вернут ее нам, как вексель на протестацию. И король оскорбится... А мне сего не снести позора!

Елизавета махом ратифицировала договор с Англией.

– Забирай, – сказала она, спихнув со стола бумаги. – Но ежели хоть один волос падет с головы русской за интересанство аглицкое, то знай, канцлер: и твоей башке на плечах не висеть!

И вот тут до Петербурга дошло известие о том, что Пруссия уже состряпала такой же договор с Англией... Получалось нечто ужасное: Россия должна отныне в ряду с пруссаками проливать кровь за интересы, которые не только солдатам, но и самой Елизавете Петровне не всегда понятны.

И грянул гром, но какой гром! Отзвуки его, словно круги по воде, докатились до самых плюгавых дворов Европы, куда не заглядывали даже шарлатаны, лечащие горбы способом «удара об воздух»... Императрица всегда была простой барыней, и гнев ее на великого канцлера мало отличался от гнева помещицы на своего лакея.

– Душегуб, ирод проклятый!.. – кричала она ему. – То-то, я примечаю, ты у причастия святого редко бывал. За сколько же ты продал меня, антихрист? Ведь я и конвенцию-то эту подписала для той единой нужды, чтобы Фридриха от Курляндии отринуть! А теперь – что? Ты его мне в дружки подсунул?

Бестужев и сам не гадал, куда заведет Россию его твердая, но потерявшая гибкость «система», перенятая им от недоброй памяти Остермана. На ослабших ногах канцлер кинулся к Вильямсу; между ними повторилась сцена, очень близкая той, которая была разыграна в Сан-Суси между Фридрихом и герцогом Нивернуа...

– Императрица в отчаянии от вашей измены, – заявил канцлер.

– Измены? – отрекся Вильямс. – Нет! Наш договор с королем прусским может показаться обидным только королю Франции. Мне, господин канцлер, непонятны ваши намеки... Я знаю вас и знаю, что вы сами никогда не желали дружбы с Францией! Так чего же вы сейчас бросаетесь упреками в измене?

Вся «система» жизни Бестужева катилась сейчас в пропасть, и канцлер прищемил Вильямса в кресле тяжелым взглядом.

– А пенсион для меня... когда? – спросил он, задыхаясь.

Вильямс с трудом скрыл злорадную усмешку:

– Простите, за что же вам платить в этом случае?

– За позор мой! – ответил великий канцлер...

Вскоре Елизавета, поуспокоившись, потребовала Бестужева к себе и вручила ему бумагу для передачи в руки Вильямса.

– Отныне резон наш таков, – заявила она. – Бить Фридриха мы будем, невзирая на все договоры с Англией. Но что касаясь кляуз лондонских, то король Англии жеваной фиги от меня не получит. Не дам ему солдат, да и только! Русский солдат для нужд российских нужен... И денег чужих за него не возьму!

Бестужева зашатало, и – недаром: сейчас он держал в руках «Секретную декларацию Елизаветы» (именно под таким названием она вошла в историю дипломатии народов). Это

была всего лишь одна добавочная статья к договору о союзе с Англией. Но договор мог иметь законную силу лишь в том случае, если король Пруссии нападет на Королевство английское, что уже само по себе исключалось.

– Матушка! – взвыл канцлер.

– Что, батюшка? – ехидно спросила Елизавета.

– Без ножа ты меня режешь!

– Не я, милый. Не я тебя режу... Таково коллегия решила! Не всё ты един – есть еще глас коллегияльный, глас божий.

– Как же я такое Вильямсу отдам? С какими глазами?

– С твоими-то глазами только и отдавать такое... Неси!

Делать нечего. Бестужев в одиночестве выхлебал графин вина и объявил потом Вильямсу:

– Государыня наша, кроткая сердцем Лисавет Петровны, в глубокоразумии своем, высочайше указать соизволили...

И – после вступления – огорошил его «Декларацией». Вильямса, уж на что был крепкий британец, чуть удар не хватил. Что было сил отпихивался от дополнений к прежнему договору.

– Что скажет король? – кричал посол на канцлера. – За все услуги его, оказанные вам неоднократно, могли бы, кажется, и лучше озаботиться об интересах Англии в России!

– Никто не виноват, – отвечал Бестужев, – что Ванька Шувалов, а не я, спит с государыней. «Декларация» суть происхождения чисто альковного, и клянусь вам честью: мои руки чисты!

– Так сломайте этому Шувалову шею, – посоветовал Вильямс.

– Ему я шею свернул бы! А что с коллегией делать?..

Кончился скандал тем, что Вильямс все-таки забрал документ, который уничтожал прежнее соглашение. Посол просто испугался, как бы ему, упорствуя, не разорвать вообще связь Лондона с Петербургом...

А старый канцлер империи вскоре стал играть черную роль продажного предателя. Бестужев перестал думать о России.

– О себе, о себе надо подумать, – говорил он.

* * *

Бестужев боялся, что враги станут наговаривать на него тайно, и думал: «Как вызвать врагов из тени на яркий свет? В открытую-то, – казалось канцлеру, – я их всех поодиночке расколошмачу...» И он предложил Елизавете избрать при дворе Конференцию из людей, которые бы «наипаче ея высочайшую доверенность к себе имели». Этим канцлер вызывал огонь на себя, чтобы, рискуя, определить, где расставлены против него батареи.

Конференция собралась: два брата Бестужевы-Рюмины, вице-канцлер Воронцов, Трубецкой, Бутурлин, Голицын, Апраксин, братья Шуваловы и великий князь Петр Федорович. Но первое же совещание обернулось палкой о двух концах, и один конец ее хлобыстнул прямо по канцлеру. Все члены Конференции как с цепи сорвались: так и кидались на канцлера, так и грызли его... Елизавета же, пока вельможи там насмерть бились, сидела – помалкивала.

– Коли мы деньги берем от Англии, – оправдывал себя Бестужев, – то уж, вестимо, Англия вправе и войска наши посылать туда, куда ей надобно. А без субсидий ейных – что мы, господа высокая Конференция? И посрамления чести русской не вижу в том.

– С каким лицом деньги брать? – спросил его Шувалов.

– Деньги будем брать, имея лицо индифферентное, как будто и без этих денег прожить можем.

Встал от стола граф Петр Шувалов, всей русской артиллерии генерал-фельдцейхмейстер, и отвечал канцлеру так:

– Народ есть главная сила в государстве, и тратить ее следует с разумной умеренностью... Мы, слава богу, не курфюрсты немецкие, кои своих мужиков на сторону продают и за калечение их денежную выгоду имеют. Это при Остермане такие подлые порядки на Руси завелись! Дохнул наш солдат на Рейне-реке, у черта на рогах, а... за что? За конжурации⁷ венские!

После Шувалова вскочил родной брат канцлера – Михайла Петрович Бестужев-Рюмин и прокричал в неугасимой лютости:

– Англо-русский альянс похерен сам по себе альянсом Пруссии с Англией, и канцлеру столь великой державы, какова есть Земля Русская, не пристало в деньгах унижаться... И ты, братец, сердечней был бы в политике, коли не имел бы личной выгоды!

Отомстил. Брат брату – отомстил.

И тут... раздался сухой треск пергамента.

И тут... закружились, оседая, клочья рваных бумаг.

Это Елизавета, ни слова не сказав, уничтожила конвенцию.

Она ее просто порвала на куски. И разбросала эти куски.

– Бог видит, – сказала она со слезами, – что я невиновна. Я порвала только бумагу, но король аглицкий порвал нашу дружбу. Денег из одного кошелька с Пруссией – не брать! И войне с Фридрихом – быть: готовьтесь, люди!..

Только один Михаил Воронцов малость помялся при этом.

– Позволяет ли состояние империи нашей эдакую трату людей и денег? – спросил он у Конференции осторожно.

Но на эти слова робкого вице-канцлера даже не обратили внимания. Конференция была едина в мнении: Пруссию вернуть в ее старые границы, отбросить армии Фридриха от рубежей, чтобы король не зарился на русскую Прибалтику, а Польшу просить, дабы пропустила через земли свои войска русские на просторы Европы, где Фридриха они бить станут...

Вопрос о войне России с Пруссией был решен коллегиально.

* * *

Курьер британского посольства, спешивший из Петербурга в Лондон, всегда имел привычку задерживаться в Берлине. Совсем ненадолго – пока сэр Митчелл (посол английский при Фридрихе) успевал снять копии с депеш Вильямса, чтобы тут же отвезти их в Потсдам – лично в руки королю Пруссии...

Так было и на этот раз.

Фридрих прочел «Секретную декларацию Елизаветы» в скорбном молчании, но спокойно. И так же невозмутимо заметил Митчеллу:

– Россия, еще не начав воевать, уже начала одерживать победы... хотя бы перьями!

– Я вас не понял, сир, – поклонился ему Митчелл.

Король искоса глянул на дипломата:

– Бросьте, Митчелл! Вы меня хорошо поняли...

Посол склонился еще ниже и промолчал, пряча лицо.

– Эта декларация России, – продолжил Фридрих, – делает ваш договор с русскими совсем бесплодным. Вы напрасно старались, заключая его! Но декларация ставит под смертельный удар и мой договор с вами. Выходит, я тоже напрасно старался, заключая его с вами... Может, скажете, что опять не поняли? Тогда мне пришлют в Берлин другого посла, который окажется понятливее вас.

⁷ Конжурации – комбинации.

Митчелл пытался возражать, но король остановил его:

– Я не рассчитывал на дружбу с Россией, но теперь она не желает оставаться даже нейтральной. Она очень активна, эта страна! Я отсюда слышу скрип перьев, но скоро зазвонят шпаги! Вы, англичане, как всегда, укроетесь на острове, а все колотушки достанутся мне одному...

– Ваше величество, – сказал Митчелл, – в Лондоне желают отозвать из Петербурга сэра Вильямса, как неугодного более двору Елизаветы. Он не сумел предупредить события!

– Вильямса, – ответил король, – можно было бы убрать из России, если б Англия имела в запасе дипломата лучшего, чем он... Но пока Вильямс остается лучшим дипломатом вашего королевства, отзыв его нежелателен. Удаление его было бы несчастьем для «молодого двора» в Ораниенбауме, который питается исключительно его добрыми советами...

Ораниенбаумское семейство издавна занимало воображение короля: помощь ему надобно ждать именно оттуда – из Ораниенбаума.

И великий князь Петр, и великая княгиня Екатерина были его родственниками... Фридрих знал, как его боготворит Петр!

Короля навестил друг детства Финк фон Финкенштейн:

– Фриц, что ты скажешь теперь? Не я ли предрекал тебе одиночество? Ты приобрел много денег, но зато растерял союзников. Кто поможет тебе в твоих будущих битвах?

– В том колоссальном предприятии, какое я задумал, деньги будут нужнее друзей, – ответил Фридрих. – Пророк все-таки я, а не ты... Я распланировал свою игру до мелочей. Но не мог же я предвидеть вот эту пакость!

И он перебрал другу копию с «Секретной декларации».

Итак, Россия не дала себя обмануть – в самый последний момент она ужом вывернулась из дурацкого положения. А что приобрел он, король Пруссии? Теперь следует ждать удара. Оттуда – из-за лесов Ливонии, из туманных болот Жмуди, и – прямо в сердце бранденбургских королей – по любимой и верной Пруссии.

По Кенигсбергу!

– Мы предупредим удар, – сказал король. – Кто нападет первым, тот наполовину уже выиграет... Печалиться рано.

Фридрих поспешно собирал свои армии, прямо указывая солдатам, против кого он их готовит, и потсдамские гренадеры распевали:

Когда придет великий Фриц
И хлопнет лишь по пузу —
В кусты от пушек побегут
Русаки и французы...

... Читатель, не узнаешь ли ты в этой песне прародительские мотивы мюнхенского Хорста Весселя?

Начало союза

Елизавета, которая так и умерла, не слишком-то доверяя картам, где королевство Англии рисовалось в окружении воды, – вряд ли она понимала все величие своего времени.

Но она была «дщерь Петрова», и это во многом определяло ее поступки. Елизавета зачистую двигалась на ощупь – зато хорошо осязала предметы.

Историки дружно изругали ее за гардероб из 45 000 платьев, однако не забыли отметить и устойчивый патриотизм этой сумбурной натуры.

Конференция при русском дворе работала, и отныне голос Елизаветы, весьма авторитетный в Европе, был лишь эхом коллегиальных решений. И надо сказать, что последние годы ее жизни этот голос звучал сильно и верно.

* * *

С глазу на глаз императрица дала секретную аудиенцию венскому послу графу Эстергази: Россия согласна представить Вене проект наступательного союза, и будет Франция выступать заодно с ними или не будет – безразлично...

– А я хочу начать войну в этом году, – заявила Елизавета.

– Вы понимаете, – отвечал Эстергази, – все страдания моей императрицы: она каждый день плачет, вспоминая о Силезии, которую у нее отняли пруссаки. Мария Терезия плачет не одна – вместе с нею рыдает и супруг ее, который, как император всегерманский, с горечью наблюдает за Пруссией, желающей возыметь первенство над всеми германскими княжествами...

Елизавета заговорила, что союза Вены с Петербургом мало; необходимо притянуть на свою сторону Версаль, надо сделать этот союз тройственным и страшным для «безбожника Фридриха».

– Подозреваю, – толковала Елизавета, – что король и в церкви-то, кажись, не бывал ни разу! Фрицы берлинские новомодники в политике стали: чуть что понравится у соседа – берут силой, а сила в политике хороша лишь тогда, когда ты прав. Россия такую правду имеет: нам не бывать спокойными, пока не перельем бурду прусскую в мехи старые, где она и пусть себе киснет...

Вскоре Австрия с Францией заключили Версальский договор, и Великобритания тут же объявила войну Версалю (впрочем, эта война уже тянулась давно, сейчас ее закрепили на бумаге). Россия же спешно стягивала войска в Ливонии. Перекинув за плечи сапоги, шагали по весенним проталинам солдаты; прыгали по ухабам кареты с генералами; дремно выступали из дубров верблюды астраханские, волоча за собой по песку и кочкам «секретные гаубицы» – творение хитроумного Петра Шувалова.

Любимых ею гренадер Елизавета сама провожала в поход. В высоких ботфортах, при офицерском шарфе, в штанах и в треуголке с пышным плюмажем, императрица стояла у бочек с вином. От легкого утренника зарделись ее щеки – крепкие, как у деревенской молодухи. Гренадеры подходили к бочке по очереди. Тут она ковшиком винца зачерпнет и руку протянет на закуску.

Солдат вино выпьет и уколется ей руку усам, целуя:

– Ну, уважила, Лисавет Петровны! Краса ты наша писаная...

К полудню от колючих поцелуев рука распухла, императрица уже нетвердо на ногах держалась. Все черпала да черпала из бочек, пока спьяна не утопила ковшиком: увели ее, спать уложили.

Шведский граф Горн спрашивал у Елизаветы при свидании:

– Стокгольм обеспокоен: противу кого собираете войска?

– Исполните обязанность свою, – отвечала Елизавета, – и успокойте двор своего короля: никаких видов на Швецию мы не имеем. Нам другие сверчки в уши верещат – не ваши сверчки!

Горн поспешил успокоить своего короля и взволновал прусского (тайным шпионом которого он состоял). Фридрих окончательно убедился, что русские медведи вылезают из своей заснеженной берлоги.

В это смутное при дворе время, посрамленный и жалкий, Бестужев доверялся лишь одному Вильямсу.

– Какое несчастье для России, – говорил он, – что фаворитом у нас Шувалов: любит парижские моды, читает Вольтера и философствует с Ломоносовым о стеклах и звездах... Тьфу их, умников этих! То ли дело был свинопас Разумовский: бочку целую выдует, спать ляжет и ни во что не мешался.

В пику канцлеру началось быстрое возвышение Михаила Воронцова. Без стука вхожий к императрице, этот человек сделал «карьер» в два спохвата: женитьбой на буйной алкоголичке Анне Скавронской (что доводилась Елизавете сестрой двоюродной) и еще тем, что в памятную ночь переворота 1741 года, когда сшибали с престола малолетнего царя Иоанна Антоновича, Воронцов стоял на запятках саней дочери Петра...

В один из дней – весенний, ростепельный – на пороге кабинета Воронцова появился человек. Знакомый. Где-то вице-канцлер его уже видел. Тогда он был одет скромно, а сейчас – о боже! – каким франтом стал.

– Простите, сударь, я запомнил ваше имя.

– Дуглас, – поклонился незнакомец с ухмылкой.

Времена изменились, и Воронцов встретил его как долгожданного друга. Не знал, куда и посадить Дугласа.

– Итак, дорогой библиотекарь, – спросил любезно, – какие издания в Париже вышли за последнее время?

Дуглас, торжествуя, извлек письмо.

– Лично от короля! – возвестил он.

Воронцов протянул руку, но Дуглас письма ему не дал.

– Лично императрице! – сказал он.

Вице-канцлер с опаской глянул на двери:

– Вы неосторожны. Я не могу поручиться, что нас не слышали слуги... Впрочем, – спросил он, – под каким соусом прикажете мне подать вас к столу императрицы?

– Хотя бы как путешественника.

– Государыня наша вояжиров не жалуется. Это неудобно. А чтобы представиться ко двору, надобно иметь чин!

Чина тоже не оказалось, и Дуглас увидел, что Россия вдруг быстрее, чем он мог ожидать, стала снова уплывать от Франции.

– Ради высоких целей мира в Европе, – совсем увял Дуглас, – я согласен признать себя даже курьером из Версаля.

– Курьер не пройдет дальше лакейской... Ах, какая досада! – искренне огорчился Воронцов. – Все было бы так хорошо, и... нет чина! Извините, сударь. Вы будете моим дорогим гостем. Я весь к вашим услугам. Велите только – и любимую дочь подам с трюфелями. Но без чина, посудите сами, как же я введу вас в покои ее величества, помазанницы божией?

Дуглас размахнулся и шлепнул письмо короля на стол.

– Будьте уж тогда курьером... вы! – вздохнул иезуит.

* * *

Воронцов передал письмо Елизавете со словами:

– Этого мы ждали много лет...

Пальцы императрицы вздрагивали, когда она разворачивала послание короля Франции. Восемь лет две страны, духовно связанные музыкой, литературой, театром, живописью, модами, – не имели связи в политике... Разве это мыслимо? Она много слышала о Людовике дурного (впрочем, Людовик слышал о ней не менее), но в юности Елизавета считалась его нареченной невестой. И кто знает? – быть бы дочери Петра королевой Франции, никогда не покушала бы пирогов с визигой, жирных кулебяк да расстегаев, не поморщилась бы с похмелья от чухонской клюковки.

«Так и бог уж с ней – с этой Францией!..»

Людовик начинал письмо круто: гнать и гнать императрице от себя Бестужева – вот первое, что бросилось в глаза Елизавете. А потом ласковости о ней, заботы о здоровье и прямые слова, что пора обменяться посольствами.

С поспешностью, поразительной для этой лентяйки, Елизавета отвечала королю в том же дружеском духе; она сулила Людовику «постоянную и искреннюю дружбу» между Россией и Францией. Но про Бестужева – ни слова.

– Сор из избы русской нечего по чужим дворам таскать... Михайла Ларионыч, – велела она Воронцову, – поищи человека, в обхождении привычного, чтобы его в Париж отправить. Худого не надо, а хорошего тоже не пошлем. Ищи с таким чином, что и Дуглас – ни рыба ни мясо. Но Бестужеву о том – ни гугу! Человек сей отклеился от меня, словно пластырь паршивый...

Но Бестужев не желал сдаваться. Канцлер он или не канцлер?

– В самом деле, – утверждал он повсюду, – что волками-то на меня смотрите? Коли затеяли поход на Фридриха, так не я ли был врагом Пруссии все эти годы? Лондон подгадил малость, но торговля да старые долги не разорвут союз России с Англией. Вот Франция только...

Он люто ненавидел Францию, как извечную соперницу любимой им Англии. Но был бессилен что-либо поделать, ибо Елизавета начала любезности с Людовиком за его спиной. Людовик секретничал от своих министров, а Елизавета, как черт от ладана, пряталась от своего канцлера.

О век осмнадцатый, торжественный и темный, когда политика самым верным ключам предпочитала воровские отмычки!..

* * *

Нужного для посылки в Париж человека Воронцов отыскал в своем же доме. Каждому ленинградцу знаком этот дом на Садовой – мрачный и приглушенный, стоит он в глубине сада, за высокой решеткой, а напротив протянулись магазины шумного Гостиного двора. Это здание бывшего Пажеского корпуса, а в описываемое нами время – фамильный замок-дворец графов Воронцовых...

В одном из залов этого дворца учитель Бехтеев давал урок российской грамматики двум девочкам-подросткам. Двоюродные одногодки, они сидели напротив скромного учителя в креслах, обтянутых фиолетовым лионским бархатом. Одна из них (уже тогда с задатками неземной красоты) стала позже графиней Строгановой и была отравлена ядом в трагической любовной истории. А другую читатели хорошо знают... Вертлявая и кислая девочка с раздутыми, как яблоки, щеками, она стала впоследствии (под именем княгини Дашковой) известна

всему миру – как президент Российской Академии наук, первая в мире женщина, занимавшая такой высокий и «не женский» пост...

Бехтеев читал девочкам сказку про Ерша Ершовича, когда в детскую вошел вице-канцлер и сказал по-французски с прононсом:

– Сударь, мне хотелось бы поговорить с вами...

Учитель не растаял перед вельможей, как масло на солнцепеке:

– Ваше сиятельство, здесь идет урок великого языка, сиречь русского! Не пренебрегайте же им.

– Извини, друг мой, – перешел Воронцов на русский. – Но ты и впрямь нужен мне... Скажи: не манит ли тебя миссия в Париж, где твой ум и эрудитство весьма были бы пригодны? – И в кратких словах он дал понять, какова будет эта миссия.

Бехтеев ответа не дал – должен обдумать.

Поздно вечером, когда вице-канцлер уединился для сна отдельно от жены (снова запой), Бехтеев нагрязнул к нему в покои.

Согласный ехать в Париж, он развернул лист бумаги:

– Я все измыслил, ваше сиятельство, а о чем мыслил – тому следуют пункты... Первое, – провозгласил Бехтеев. – Ежели в Париже потребуют от меня рукописно, то с чем я прислан?

– А мы сочиним мемориал на имя министра Франции Рулье.

– Пункт второй, – внятно читал Бехтеев. – Употреблять ли мне о своей персоне термины, како: прислан я от ея императорского величества Елисаветы кроткия или же токмо от вашего сиятельства в Париж направлен?

Воронцов подумал, что посоветовать. Усмехнулся:

– А ты, Федор Дмитрич, схитри: будто бы от меня прислан, а ежели вникнуть, то будто и матушка тебя послала... Внял?

– Внял, – кивнул Бехтеев. – Статья далее: каким образом отвечать мне о том трактате, коим вавилонски связала себя Англия с Фридрихом? Дураком, што ли, прикинуться? Или же выказать Версалию все презрение свое, россиянина достойное?

– В этом случае так держись... – поучал его Воронцов. – Мол, трактат сей немалое шумство у нас вызвал, и с Лондоном изъяснения еще чинятся. И плечом эдак пожми, будто удивлен!

– И еще пункт, – ровно читал Бехтеев. – Каково мне держать персону свою, ежели версальцы меня станут пытаться об аглицких субсидиях?.. Как тут мне быть?

Вопрос был сложный, и Воронцов не сразу нашелся.

– Тут хитроумным Вольтером будь. Отвечай по всей тонкости философской. Мол, затем и отпихнулись от денег лондонских, потому как теперь от Франции брать желали бы! Но, смотри, – погрозил Воронцов Бехтееву, – о денежном предмете возвещай деликатно, ибо французы – не англичане и в долг дают всегда с потугами, будто ежа против шерсти рожают.

– Все ясно, а лишних бумаг в дорогу не надобно!

И тут же, над пламенем свечи, Бехтеев испепелил свои «секретные пункты». Легкий на подъем, он поскакал в Париж, дабы занять там положение, примерно равное тому, в каком находился Дуглас в Петербурге... «Без чина»!

* * *

Вот что достойно удивления: две великие страны накануне большой войны сходились для союза с помощью двух... гувернеров. Два никому не известных учителя (совсем не дипломаты!) протягивали первую ниточку дружбы между судьбами Франции и России. Именно благодаря им, этим гувернерам, впервые за всю мировую историю Россия и Франция должны были сражаться в одном лагере.

Суэта сует

Лондон отнесся к «Декларации Елизаветы» с высокомерием бесподобным; этот важный документ был возвращен обратно с такими словами: «Коли договор единожды уже ратифицирован императрицей, то он не нуждается в довесках дополнительных соображений...» Елизавета обозлилась, стряхнула лень. Сидела на всех Конференциях, больше слушая; читала все, написанное мелким и крупным шрифтом. Она воодушевилась! На протоколах все чаще появлялась ее резолюция: «Быть по сему», – и, таким образом, Конференция обретала законодательные права, как и сенат.

Императрицу подстегивало и чисто женское уязвленное самолюбие: этот наглый «затворник из Сан-Суси» сочинял на нее неприличные эпиграммы, в которых и последнего фаворита Шувалова не пощадил. Елизавета не знала, что эти пасквили на нее сочинял саксонский канцлер Брюль, выдавая их за Фридриховы; сам же Фридрих писал эпиграммы только на маркизу Помпадур и даже не скрывал своего авторства...

Совсем неожиданно в Конференции раздался протест против войны. Великий князь Петр Федорович, всегда готовый угодить Фридриху, стал ратовать против союза с Францией; державная тетка резко осадила его на полуслове:

– Сядь и не болтай, чадушко! Все вершится, как божьей воле угодно, и тебе ли перечить нам в делах столь важных.

– А тогда, – ответил племянник, кривя губы, обезображенные оспой, – мне здесь нечего делать... Я могу и уйти!

– Окажи милость, – сказала Елизавета. – Освободи нас...

В злости балбес примчался в Ораниенбаум и тут же в письме к Фридриху изложил все планы России и все свои обиды на тетку. Явная подготовка России к войне вызвала панику даже не в Сан-Суси – нет, в ужас пришла союзная Вена.

Граф Эстергази был растерян: он никак не ожидал от русских такого воинственного пыла. Рвение России как можно скорее разделаться с Фридрихом совсем не входило в расчеты австрийской дипломатии. Сначала, еще до боевых действий, Мария Терезия желала поспекулировать между Петербургом и Версалем, дабы обогатить венскую казну, а потом уже воевать. А пока Эстергази должен был одергивать Елизавету, чтобы Фридриха она не дразнила.

Венский канцлер Кауниц слезно заклинал Елизавету в письмах: «Ради бога, не вздумайте тревожить Фридриха!»

Бестужев-Рюмин тем временем, подхваченный новым быстрым течением, плыл по реке, для него еще неведомой, но упорно цеплялся за старые коряги. «Лучше потонуть богатым, нежели в бедности!» – говорил он. Вильямс был поражен алчностью этого человека, тем более что нахлебников у короля Англии заметно прибавилось. Великая княгиня Екатерина Алексеевна оказалась ужасной мотовкой и тоже обходилась англичанам в копеечку. Бестужеву-Рюмину Вильямс сказал честно:

– Дорогой друг, парламент моего короля согласен платить вам пожизненный пенсион при одном условии: если вам удастся вернуть политику России в ее прежнее традиционное русло...

А что мог поделывать сейчас канцлер? Да ничего, ибо Россия уже развернула штыки на Пруссию. И тогда старый хапуга, словно избалованный кот, вдруг переменивший хозяина, стал тереться вокруг графа Эстергази. Бестужев только что не мурлыкал, но по его изогнутой спине было видно, чего он добивается от австрияков. И просил-то канцлер на этот раз сущую ерунду – всего 12 000 в червонцах (золотом, конечно).

Дали? Нет, не дали.

* * *

Дуглас таился по особнякам русской знати. Шереметевы, Чернышевы, Шуваловы, Бутурлины, Нарышкины – все приглашали его за стол, но место за столом отводили далеко не первое. Дуглас (человек без чина!) не знал, за кого себя выдавать, а вельможи не знали, за кого его принимать. На всякий случай – ешь, пей и отвечай, коли тебя спросят.

Зато никого не принимали так хорошо, как Понятовского. Секретарь Вильямса быстро освоился со своим положением, а любовь Екатерины придавала ему особую привлекательность в глазах общества. Об этой любви уже знали – даже в Берлине.

Однако Понятовский очень не нравился императрице Елизавете, которая называла его не иначе, как... «партизан» (очевидно, за лихие набеги на Ораниенбаум). Шувалову она сказала:

– Странных «англичан» находит для себя Вильямс. А матка его – из Чарторьжских? Тоже, видать, хороша курвица. Нешто моя невестка из русских никого не могла выбрать? Погляди-ка, Ванюша, как резво пляшет князь Канчуков... Разве же плох? Ай, да князь!..

Екатерина же в это время переживала пору страстной любви, какой не знала раньше. В ослеплении своем ничего не желала видеть, кроме красивого поляка.

О-о, пусть попробуют отнять у нее эту любовь... Гнев будет страшен, непоправим! Узы этой любви держались в руках британской политики, шагавшей по Европе в обнимку с планами Пруссии. Отсюда был один шаг до предательства, и Вильямс терпеливо выжидал, когда этот шаг будет сделан. Он был практик и держал любовь Екатерины на своей ладони, словно взвешивая ее.

Однако хитрый Вильямс видел в ней только женщину – он проморгал в Екатерине политика! Вильямс поначалу не подозревал, что любовь – совсем не главное в жизни великой княгини. Даже среди безумств любви Екатерина оставалась твердой и последовательной. Она всегда знала, что ей нужно, – в этом была ее сила!

Ох, как умела рисковать эта женщина! На очередном маскараде при дворе, когда Вильямс устало уединился от танцующих, прямо в ухо ему прозвучал чей-то приглушенный шепот:

– Помогите мне занять русский престол, и я вас утешу...

Посол вздрогнул. Перед ним стоял арлекин в пестром домино. В прорези маски сверкали жадные молодые глаза – глаза Екатерины.

– Вы слышали, посол? Я сказала, что вас утешу...

– Вы слишком откровенны, – отвечал Вильямс. – А на каждом моем ухе, словно серьги, болтаются шпионы императрицы!

В испуге он бежал с куртага. Но едва вернулся в посольство, как Лев Нарышкин передал ему записочку от великой княгини. Вернее – план государственного переворота, едва только Елизавете постигнет очередной приступ болезни. Вильямс понял, что у Екатерины все уже готово. Она подсчитывала: сколько нужно солдат, какая сигнализация, кого сразу арестовать, когда и где принимать присягу. «Как друг, – заканчивала Екатерина, – исправьте и предпишите мне то, чего недостает в моих соображениях».

Вильямс даже не знал, что тут можно исправить или дополнить. Это уже заговор, настоящий заговор, и не принять в нем участия было бы для посла Англии большой ошибкой. Громадный корабль России еще можно развернуть на старый курс – только сменить капитана! И тут появилась в небе комета; ее давно ждали, о ней писали в газетах ученые, она волновала умы и сильно действовала на суеверие Елизаветы Петровны.

– Быть беде... быть, быть, – охала императрица. – Комета – смерть моя! Господи, неужто к себе меня отзываешь?..

Здоровье ее действительно пошатнулось, и Вильямс поспешил обрадовать Екатерину:

– У кого вода поднялась в нижнюю часть живота, тот уже человек обреченный. Ваши шансы растут...

Английское золото теперь звенящим потоком ринулось в покои великой княгини. Екатерина играла, как загулявший поручик гвардии, получивший сказочное наследство. Ела второпях. Недосыпала. Даже любовные цидулки и те писала на карточных рубашках. Долги лиходейки быстро росли, но денег все равно не хватало.

– Мне уже неудобно обращаться к вам, – говорила Екатерина Вильямсу, но все же обращалась...

Издали – через шпионов – Фридрих пристально следил за событиями при «молодом дворе». Вильямс действовал по указке короля, завершая отрыв «молодых» от двора Елизаветы; теперь Екатерина заодно с мужем должна была служить Фридриху.

И в этот момент у нее, рвавшейся к русскому престолу, вдруг появился враг. Враг ее любви... Шевалье де Еон прибыл морем в Петербург, и Екатерина при встрече с ним говорила о лошадях. Она знала лошадей и любила их. Под конец она воскликнула:

– Нет ни одной женщины в мире смелее меня! Я вся полна необузданной отваги...
Вот что записал в этот день де Еон в своем альбоме:

«У нее блестящие глаза – глаза дикого животного; лоб высокий, и, если не ошибаюсь, на нем начертано долгое и страшное будущее... Она приветлива, но когда подходит ко мне, я в безотчетном движении отступаю назад: она наводит на меня страх...»

Екатерина же в этот день никаких записей не делала. Вернулась к себе радостно взволнованная. Сегодня императрица опять не вышла к столу – ей плохо, а комета летит и летит по небу.

Шевалье в Петербурге

Вот теперь нам исторически точно известно, что де Еон прибыл в Петербург, и не в женском, а в мужском одеянии.

* * *

Английский жеребец стучал копытами в палубу, гнусаво блял меринос и дружно лаяли семнадцать датских догов. Вся эта живность плыла морем в подарок великому князю Петру Федоровичу. Капитан утопил в море компас, был пьян и спал у ржавой пушки. В таком состоянии, потрепанный штормом, корабль вошел в Неву.

– Впрочем, – рассказывал о себе де Еон, – я приехал бодр и свеж, словно прогулялся не далее Сен-Клу. Кавалер Дуглас, видя, как я схожу на берег со шпагой на боку и шляпой под локтем, в белых чулках и напудренном парике, подумал, наверное, что перед ним парижский жентильом, только что сошедший с галиота возле Пон-Рояля, чтобы прокатиться по Тюильри!..

Дуглас сразу впряг его в работу, – шла подготовка «бабьего союза», – для борьбы с Фридрихом надо было сдружить таких разных женщин, как Елизавета, Мария-Терезия и маркиза Помпадур (явно заменявшая Людовика)...

Де Еон незаметно вкрался в доверие к вице-канцлеру.

– Да будет вам известно, – говорил он Воронцову, – что время от времени я бросаю перо и хватаюсь за шпагу. Не мне судить, Аполлон или Марс сильнее. Но министр Рулье, при отправлении моем в Петербург, советовал мне предложить свои услуги фехтовального мастера великому князю Петру Федоровичу... Пусть, соперничая с французом, великий князь расположит свое сердце к рыцарской Франции!

Вице-канцлер поморщился:

– Вы плохо осведомлены о симпатиях великого князя. Если бы вы привезли ему одну пуговицу с мундира прусского солдата, ударили бы дробь на барабанах и распили с ним пива, – о, тогда, уверяю вас, вы стали бы его другом...

Дуглас, трясясь над каждой копеечкой, своего стола от жадности не заводил, таскал де Еона за собой по домам вельмож, где они и нахлебничали. Вскоре де Еон сделался незаменимым на всех попойках. Пил он в это время много – гораздо больше, чем ожидали от человека с внешностью девушки. Но так как рядом с ним мужественно напивались женщины, то на это никто не обращал внимания.

В Аничковом дворце случилось быть на попойке у отставного фаворита Разумовского, которого любила когда-то Елизавета, – так любила, что патриарху в Константинополь даже написала: дозвожь, родимый, Лешеньке моему в постные дни мяско кушать, и разрешил патриарх: ешь! Обнаглел экс-фаворит настолько, что в исподнем гостей встречал. А жены гостей его загодя по церквам свечки ставили, чтобы вернулись их мужья от Разумовского живы, не до смерти покалечены.

Здесь же, в Аничковом дворце, де Еон встретил и Понятовского. Поляк был действительно очарователен: какие мохнатые ресницы, какие жесты и томный голос; как небрежно и красиво сбрасывает он плащ. Медали и движение комет, нумизматика и обломки древности, Макиавелли и декорации Валериани – Понятовский обо всем имел суждение. Но это был неглубокий ум, и де Еон понял, что перед ним просто хороший начетчик с прекрасной памятью. И не отказал себе в удовольствии съязвить:

– Ваш ум напоминает мне каботажное плавание. – За столом притихли гости. – Да, – продолжил де Еон, – вы плаваете лишь вблизи берегов, но страшитесь выплывать над пучинами.

Понятовский вспыхнул, и румянец еще более украсил его:

– Если бы мне заявил это Вольтер...

– Вам это заявил человек, заслуживший похвалы Вольтера! – опередил его де Еон, но, чтобы избежать скандала, столь невыгодного сейчас, он покинул попойку...

Слава его пера до Петербурга еще не докатилась, и свои книги де Еон обнаружил только в кабинете Ивана Шувалова. «Ночной император» России был человеком странным: он разломал медаль, выбитую в его честь, он отказался от графского титула, он хлопотал об открытии гимназий, он строил Академию художеств, но известный Чуди-Люсси-Пютланж печатал в «Литературном хамелеоне» статьи Шувалова о... философском камне.

И потешался меценат побоищем двух славных гладиаторов – Сумарокова и Ломоносова! Резкая тень и резкий свет.

Де Еон же приглянулся Шувалову тем, что, как истый бургундец, не мог испытывать отвращения к вину. Ни днем, ни ночью! Шувалов успокоился, когда свалил кавалера под стол русским зверобоем, настоящим на порохе. А однажды на половине фаворита, в домашнем трапезе, появилась Елизавета, и де Еон понравился императрице больше Дугласа. Воронцов, теперь Дугласа только выслушивал, но совещался больше с де Еоном, и звезда иезуита, еще не успев разгореться, уже погасала. Стоило ему открыть рот, как решительно выступал де Еон:

– Мой коллега, очевидно, не совсем правильно инструктирован. Мои же инструкции, как более новые, говорят иное...

Шувалова издавна занимали связи с Вольтером. Россия не имела еще своей истории царствования Петра I, и Елизавета, как «дщерь Петрова», поощряла своего любимца в этом занятии. Именно в эти дни русский двор отпустил Вольтеру 50 000 чистым золотом за написание книги о преобразователе Отечества. Это было очень кстати сейчас, на острие войны, – привлечь внимание Европы к государственным задачам России, и Петербург покупал через Вольтера лучшее по тем временам перо мира⁸.

Шувалов велел допустить де Еона до русских архивов. Чиновники снимали для Вольтера копии с петровских документов. Русская история поразила де Еона своей закономерностью в развитии интересов государственности. Атташе еще не определил к ней своего отношения, но решил заняться ею – на досуге.

Однажды ночью брызнули из рам стекла, дуло ветром, и три выстрела подряд разорвали тишину. Де Еон повалил свечи, сдернул со стула Дугласа. Позже они вынули из своих подушек три громадные, еще горячие пули.

– Это в меня! – колотило Дугласа. – Вильямс... в меня!

– Вы ошиблись и здесь, мой почтенный падре.

Не забывайте: вы только швейцар при дверях во французский ресторан, а стряпать на дипломатической кухне приходится мне...

Покушение на французов не осталось загадкой истории, и позже планы убийства миссии были обнаружены, как и следовало ожидать, в бумагах канцлера Бестужева-Рюмина.

* * *

Потом у них болели животы – они стали бояться отравления. Дипломаты запаслись в аптеке куском мышьяка. Каждое утро натошак де Еон с Дугласом скорбно лизали его по очереди. К концу переговоров в Петербурге они с трех лизаний дошли до сорока, делая себя невосприимчивыми к ядам. Тогда к подобному способу прибегали многие, искушаемые в тайнах секретной политики!

Исподволь де Еон начал копать яму под секретаря английского посольства – прекрасного Пяста.

⁸ Вольтер не оправдал надежд: его история Петра I – это скорее высокопарная сказка, нежели историческое исследование.

– Зачем вам это нужно? – испугался Дуглас.

– Понятовский раздвинул свою постель на всю Европу. Именно через него тянется цепочка преступлений до Лондона и Берлина!

– Бросьте, – волновался Дуглас. – Куда вы пишете?

– Я пишу в Варшаву. Там послом от Версаля человек огня и железа – граф Брольи, пусть он вмешается в это дело...

Дуглас выхватил бумагу из-под руки де Еона:

– Вы не знаете Екатерины! Она не простит нам этого...

– Защищайся, негодяй! – И кончик шпаги уперся в кадык. – Ты осмелился назвать меня болваном?

– Я не говорил этого... клянусь! – шептал Дуглас.

– Нет, вы говорили...

Кое-как поладили. Де Еон связался с Варшавой, откуда в отозвании Понятовского его поддержал граф Брольи. Как выяснилось, Понятовский уже побывал в сарданапаловых объятиях сэра Вильямса, и де Еон стал трезвонить этой новостью по Петербургу.

Случилась тут поездка в Кронштадт, где было обильное возлияние. Понятовский спяна сам ускорил свое падение. За столом он стал бранить польско-саксонского короля Августа III и его канцлера Брюля:

– Они не гнушаются грабить польское шляхетство. По матери, урожденной Чарторыжской, я должен быть князем Острожским, а король с канцлером не возвращают мне это княжество, которое приносит им миллионные доходы...

Де Еон это запомнил. Яма уже вырыта, осталось только спихнуть в нее Понятовского. Аташе повел атаку на этот раз не с нравственной стороны, а с политической.

– Я не понимаю, – трещал он при дворе, – как русские могут терпеть у себя человека, который, являясь подданным Августа, состоит на службе Англии, союзницы Пруссии? К тому же, клевета на курфюрста саксонского, Понятовский отнимает у России союзника.

Бестужев-Рюмин едва не сказал де Еону грозное «цыц».

– Сударь, – заметил он кавалеру, – у нас на Руси есть такое присловье: всяк сверчок знай свой шесток.

Но было уже поздно: скандал дошел до ушей саксонского канцлера Брюля, и тот отозвал Понятовского в Варшаву. Это был крепкий удар по Вильямсу, рикошетом досталось и королю прусскому. Из сердца Екатерины Понятовский вырывался с кровью.

– Учитесь у меня! – похвалился де Еон перед Дугласом.

Обескураженный Вильямс быстро нашелся и в этом случае.

– К чему эти росказни? – убеждал он русское общество. – Понятовский не удален. Его призвал к себе сейм польский, который избрал моего секретаря в нунции. Право же, юноша стоит этого!

* * *

Поздно вечером канцлер империи был приглашен на Большую Морскую улицу – в дом Ивана Перфильевича Елагина. Как и следовало ожидать, Бестужева встретила великая княгиня Екатерина Алексеевна с красными от слез глазами.

– Ну-ну, – хмуро сказал ей канцлер. – Даст бог, обойдется.

Екатерина решилась на отчаянный шаг, какого, наверное, сама не ожидала от себя. Мать наследника российского престола, жена наследника престола, она вдруг опустилась на колени перед этим ворчливым стариком в нечесаном парике.

– Алексей Петрович, – простонала Екатерина, – я знаю: вы все можете... Если вы скажете Брюлю саксонскому, чтобы хлеба не ел, и – не будет! Верните же мне Понятовского... умоляю! Сделаю для вас всё, что ни попросите. Только Понятовского мне отдайте...

Бестужев смотрел сверху, как тряслись ее плечи от рыданий, и быстро соображал: как быть? Сердце его не дрогнуло от слез Екатерины – нет! Просто он прикидывал сейчас, что выгоднее для него: вернуть Понятовского или оставить в Варшаве?..

– Встаньте, ваше высочество, – сказал Бестужев. – Кому, как не мне, старику, понять ваше чувствительное и нежное сердце!

Простой русский дворянин

Вдали от интриг двора, свободный от влияний и подкупов, без пышности и титулов, Федор Дмитриевич Бехтеев впрягся, как вол, в тяжкий хомут русского дипломата на чужбине.

Перед отъездом Бехтеева выехал в Париж член Конференции и опытный дипломат Михайла Петрович Бестужев-Рюмин (брат канцлера). Он отбывал в Париж под предлогом свидания с женою, на которой за границей женился в старости, «дабы в развраты модные не уклониться». Это был лишь предлог – на самом деле Бестужев-Рюмин имел поручение от двора следить за Бехтеевым, не мешаясь в его миссию, но сразу поправить, если тот ошибется.

Бехтеев же, человек степенный, образованный и хитрый, имел сложнейшую задачу. Вот какими словами его напутствовали в Петербурге: «Немедля свести союз России с Францией, но оснований для этого союза не указывать; если же Версаль начнет настаивать на характере будущих соглашений, то свалить все на австрийского посла в Париже – графа Штарнберга». Действительно, с такой задачей трудно было справиться даже опытному дипломату.

Бехтеев с первых же дней заметил, что в Париже не все чисто. Проницательный ум обнаружил такую свару и вражду сановников, что... куда там России! В России-то – еще рай! Конти звал Бехтеева к себе, запрещая являться к министрам. А министр Рулье требовал забыть Конти и предстать только пред его ясные очи.

Бехтеев разрешил вопрос чисто по-русски:

– А ну их!.. Пушай сами за мной приедут...

Этот вывод начинающего дипломата оказался самым правильным. Французы решили, что Бехтеев, столь упорно не вылезавший из своего дома, наверняка очень большая шишка. И вот к нему с поклонами явился сам всемогущий Терсье и долго махал перед Бехтеевым своей шляпой. Терсье сообщил, что мсье Бехтеева давно уже ждут в Компьене, куда на летнее время, спасаясь от жары, удалился двор короля...

Поехали.

Министр Рулье показался Бехтееву разумным и деловым человеком. Но бумаги от Воронцова, присланные для вручения ему, он держал над пламенем свечей, смотрел их долго на свет, словно выискивал потаенные водяные знаки. Потом Рулье спросил:

– Чья эта подпись? Воронцова? Разве не Бестужев, а Воронцов состоит у вас при иностранных делах?..

Бехтеев поговорил с минуту и – ахнул: Рулье ничего не знал о первой посылке Дугласа в Петербург. Секретная дипломатия Людовика XV сама резала крылья своим же министрам. Встал вопрос о представлении Бехтеева королю «при утирании рук его величества». И в кабинете Рулье повторилась знакомая история, какая была уже с Дугласом в кабинете Воронцова...

– Каков же ваш чин? – осведомился Рулье.

Бехтеев сознался: чин – так себе, надворного советника.

– А сие означает по табели седьмое место в ряду сановном.

Рулье был явно огорчен:

– Ладно. Мы представим вас королю как русского принца. Как звучит слово «принц» по-русски? Князь? Итак, вы – князь...

Бехтеев не соглашался быть самозванцем.

– Тогда, – решил изобретательный Рулье, – вы предстанете перед его королевским величеством как русский генерал!

– Зачем мне чужая посуда, коли своя имеется?..

Сошлись на том, что Бехтеев увидит Людовика XV как «простой русский дворянин». Ни титула, ни чина договорились не упоминать.

Россия не имела в Париже посольства – не было, следовательно, у Бехтеева ни свиты, ни кареты. В наемном экипаже, несколько заробев, Федор Дмитриевич прибыл ко дворцу, где к моменту «утирания рук» короля было полным-полно блестящих карет дипломатов. Оберкамергер Флери показал место, где следует встать русскому амбассадору.

Бехтеев послушно встал. Всем послам подали кофе. Бехтеев тоже принял чашку. Пил стоя, прислонясь к стене, – никто не сидел. Кофе ему не понравился: жиденько подают французы (экономят, видать). Знакомых не было. Поболтать и душу отвести не с кем. Приткнулся русский учитель к стеночке и помалкивал. Речь в уме готовил, которую он королю скажет.

Наконец – всем стадом – дипломатов запустили в спальню.

Король утирал руки на глазах всей Европы, король «опрavлял краткия молитвы». Послы, будто их подрубили, уже стояли на коленях. Но Бехтеев-то – другой веры, византийской... «Что делать?» Тут Флери перчаткой ударил Бехтеева по плечу, чтобы общей картины моления не нарушал, и гордый схизмат преклонил колена в один ряд с католиками.

Словно замогильные тени, закрыв капюшонами лица, вошли духовники короля; попадая слово в слово, вышколенные иезуиты вторили Людовику в молитве (или Людовик им вторил?). Потом король поднялся, чтобы уйти...

– Дука Флери! – разволновался Бехтеев. – Доложите же его величеству обо мне!

Флери нагнал Людовика, что-то шепнул ему на ухо. Король, недовольно дернув плечом, вернулся к Бехтееву и буркнул что-то вроде:

– ...здоровье моей сестры Елизаветы?

Бехтеев согнулся в поклоне. А когда выпрямился, то увидел лишь... спину короля, который уходил, даже не дождавшись ответа. «Вот те раз!»

– Дука Флери! – Но дука Флери и след простыл.

Бехтеев был возмущен: помилуй бог, для чего же он кланялся? А король – тоже хорош голубь. Воспользовался тем, что поклон глубокий, и бежал от разговора. А ведь мир Европы – весь в этом разговоре: войне-то быть, людям-то страдать!

Но вместо короля распахнул объятия Бехтееву принц Конти.

– Наконец-то! – воскликнул черный рыцарь из Тампля. – Я обегал все этажи, открыл и закрыл тысячи дверей, чтобы найти вас... Едем же, чтобы на века покончить глупые распри!

Физиономия принца показалась Бехтееву весьма подозрительной, и в Тампль он ехал с опаской. Да и недаром, как выяснилось. Конти болтал о чем угодно, только не о делах.

– Польша... корона... жезл маршала... герцог Бирон... престол Курляндии! – так и сыпалось с его гибкого языка...

Лакей выставил на стол оранжерейные дыни, кувшины с вином и золотое блюдо с водой, в котором шустро плавали малюсенькие лягушата.

Бехтеев прибегнул к помощи тихой молитвы, когда слова произносятся мысленно, не нарушая общего спокойствия.

– Скромные дары деревни Ла-Шез, – сказал Конти, придвигая лягушат к Бехтееву. – Ничто так не помогает сварению желудка, как эти прелестные лягушата... Я уже выработал проект союза Франции с Россией и скоро, – посулил принц, – самолично явлюсь в Петербург, чтобы насладиться общением с императрицей.

«Явись! – подумал Бехтеев. – Там Ванька Шувалов так шибанет тебя...»

– Высокий принц, – заговорил он, – думается мне, что для пушей крепости альянса нашего необходимо заново перетасовать колоды. Заметил я, что правительство короля Франции готово принять посольство российское, но не желает отрывать от груди своей и янычар турецких. Россия же сего не стерпит. Рабы славянские – на галерах султана, жены славянские – в гаремах его томятся. Сколь веков стоном стонет земля Русская! А курфюрст саксонский Август, он же король польский...

– Курфюрст не вечен! – подхватил Конти. – Польшу пора оторвать от Саксонии. Стоит мне появиться на рубежах польских, как все конфедерации сложат знамена к моим ногам...

«Болтун!» – решил Бехтеев и, возвратясь от дипломатии секретной, обратился снова к Рулье – к дипломатии официальной. Но и здесь Елизавета, по недомыслию своей Конференции, подрубила Бехтеева под самый корешок. Переговоры-то велись, но всё через голову Бехтеева – Париж предпочитал сходить с Россией лишь через Венский двор. Бехтеев в Париже был отдан под опеку австрийского посла графа Штарнберга.

Мешали и посторонние осложнения. Бестужев злобился и четких инструкций из Питера Бехтееву не давал. А вице-канцлер Воронцов вместо советов пересылал записочки от самой Елизаветы Петровны. «Как стирают в Париже чулки без мыла? – спрашивала она своего посла. – Каких, узнай, цветов ныне помады модные?» И отпустила Бехтееву пять тысяч талеров на покупку для нее зеркала от Жермена. Можно подумать, что весь союз с Францией затеян был только для того, чтобы ознакомиться с новыми модами! Однако императрице – не откажешь... С утра, как взмыленный, Бехтеев бегал по лавкам, нюхал румяна, лизал пробки спиртов, притираний и эликсиров молодости. И – писал Елизавете:

«А чулки вашему императорскому величеству уже заказал... Стрелки у них новомодня, а шитых стрелок в здешних европейских краях боле не нашивают, потому как оне показывают ногу горазд толще...»

Самого главного Бехтеев все-таки добился.

– Поздравляем вас, – объявили ему, – послом в Санкт-Петербург назначен генерал от кавалерии Поль-Галлюцио маркиз Лопиталь де Шатонеп, бывший наш посол в Неаполе!

Федор Дмитриевич поспешил увидеть первого вестника долгожданной дружбы. Лопиталь оказался красивым пожилым мужчиной, заживо умирающим от грехов молодости и подагры. Все свои недостатки маркиз надеялся возместить изысканностью манер и пышностью своего посольского поезда.

– Русский двор будет доволен моим прибытием, – важно пообещал Лопиталь Бехтееву, – ибо король отпустил мне четыреста тысяч ливров и сто пятьдесят тысяч ливров только на дорогу! В свите моей Россия увидит восемьдесят кавалеров лучших фамилий Франции.

– Когда же ваше сиятельство думает отбыть в Россию?

– Пусть спешат почтальоны, – обиделся Лопиталь, – послу же Франции не пристало, проскакав на курьерских, явиться ко двору с одышкой от быстроты движения... Надеюсь, через полгода мы будем уже на месте.

Лопиталь не понравился Бехтееву, и в разговоре с Рулье он дал понять, что Франция напрасно хвастает на весь мир своими пышными дуками и маршалами.

– Лучшего не найти, – сказал Рулье. – Прочие – совсем профаны в делах этикета придворного... Обнадежьте Петербург и свой двор, что маркиз Лопиталь – опытнейший из послов Франции...

Это действительно было так. Англия послала в Россию своего лучшего дипломата Вильямса; Версаль отдавал Петербургу также своего лучшего дипломата Лопиталья. Из этого видно, что Россия играла в общем оркестре первую скрипку...

Маркиз Лопиталь получил при отъезде секретное поручение – вытравить прусско-английское влияние из «молодого двора» в Ораниенбауме; в первую очередь – из сердца Екатерины! Принц Конти даже подсказал Лопиталю главного спекулятора:

– Моя прекрасная де Бомон... Она справится и с чертом!

При обмене дворов дипломатами Россия с этикетом тянуть не стала: Михаила Бестужев-Рюмин тут же заступил на пост русского посла в Париже... Ему не надо было ехать издалека, как Лопиталю: он уже сидел в Париже, наблюдая за Бехтеевым.

Первый выстрел

Фридрих бодрствовал...

– Итак, – рассуждал он, – для начала подсчитаем наши возможности. Все кабинеты Европы против меня. Со мною же остались случайные личности в истории мира... Вот ландграф Гессен-Кассельский, герцоги Брауншвейгский с Готским. Но зато у нас немало денег из Англии... Арсеналы мои полны, солдаты накормлены, одеты, они хотят войны, ибо сидеть в казарме скучно, а война развлекает... Это хорошо! К тому же, мой любезный де Катт, прошу учесть: у меня в Пруссии солдат имеет шомпол из железа, а все другие армии выстреливают его из дерева. Благодаря такой ерунде мой солдат выпускает шесть пуль в минуту, в ответ же получает от врага только четыре пули... И наконец, моим союзником служит тактика!

Античный мир был прост. И была проста тактика полководцев античного мира, которую Фридрих изучил и поставил на служение своей армии. Был у него такой излюбленный прием – косая атака. Это значит: массой своих войск навалиться на слабое крыло противника и бить его на этом крыле, в то время как свои резервы беречь для последнего удара. Все очень просто. Но эту простоту могут разгадать другие. И вот, чтобы в противных ему армиях не разгадали секрета, Фридрих сознательно затемнил свою тактику.

Вот что писал по этому поводу Ф. Энгельс:

«Фридрих... принялся необычайно усложнять систему тактических перестроений, ни одно из которых не было пригодно для действительной войны... Он настолько преуспел в этом, что больше всех других оказались сбитыми с толку его же собственные подчиненные, которые действительно поверили, что эти сложные приемы построения линии составляли подлинное существо его тактики...»

Скоро старый фельдмаршал Ганс фон Левальд (он же губернатор Восточной Пруссии) получил инструкции от своего короля.

– Мой друг, – издали заверял его король, – когда русские будут разбиты вами (в чем я ни минуты не сомневаюсь), они пришлют к вам парламентариев, чтобы забрать с поля боя своих убитых. Тут вы сбросите мундир (который так украшает ваши седины) и облачитесь в тогу дипломата. От варварской России мы ничего требовать не станем, но зато разорвем в куски Речь Посполитую!

А на всякий случай Фридрих стороною нажал и на Вильямса, и посол Англии предложил в Петербурге свое посредничество для полного примирения Елизаветы с королем Пруссии.

– Нет! – ответила Елизавета, и лицо ее пошло, как всегда во гневе, бурными некрасивыми пятнами.

Вильямс и не знал, что, пока он добивался этой аудиенции, в застенках Тайной канцелярии завершалась еще одна драма русской истории, и на этот раз – по вине самого же Фридриха...

* * *

– ...Подвысь! – хрипло сказал великий инквизитор, и блоки заскрипели, вздымая на дыбу тобольского мещанина Ивана Зубарева. – Теперича подшпарь его, чтобы вор пришел в изумление!

Палач сунул в огонь душистый банный веник:

– Эх, соколик ласковый... берегись! – И прошелся сухим огнем по спине раскольника; воем и эхом воя наполнились застенки.

Граф Александр Шувалов (генерал-аншеф и великий Российской империи инквизитор) концом трости ткнул Зубарева в живот:

– Ве-вещай да-далее! – Шувалов сильно заикался.

Иван Зубарев, в «изумление придя», с дыбы показал⁹:

– В прошлом годе, на праздник богоявления господня, взялся я отвезть товар в прусский Крелевец, Кенигсбергом прозываемый. И подходил ко мне офицер тамошний и говорил по-польски: «Ишь ты-де каков, мол! Не хошь ли принять нашу службишку?» И водили меня в дом, где в сенях мерили и хвалили рост знатный. А офицер сказывал так-то: «Я чаю, ты слыхал про Манштейна? Был-де я в адъютантах у Миниха, а теперь, вишь ты, служу королю прусскому знатно, и у нас тут хорошо...»

Тонкая плеть, взыкнув, рассекла тело висящего.

– Го-говори, во-вор: ты-ты короля Фридриха видел ли?

– Оберегись – ожгу! – пришпарил его палач свежим веником.

– Убери огонь, – застонал Зубарев, – ослабьте муку...

Шувалов кивнул палачу – снова заскрипели блоки.

– Скорее вещай, шельма... Что тебе Манштейн наказывал?

– И как взошли во дворец, – заговорил Зубарев далее, повисая на веревках, – то король Фридрих на стуле сиживал. И говорил тут мне Манштейн так-то: «Мол, вот Елизавета, ваша царица, староверам при ней – худо. А король прусский тебя в regiment полковника жалует. И ты езжай ко городу Архангельску и подкупи солдат, чтобы царевича Иоанна из Холмогор выручить... Да еще на проезд тебе – вот, мол, тысячу червонцев!»

– А король? Фридрих-то – что? – кричал Шувалов.

В ответ началась «превеликая рвота». Великий инквизитор отскочил в сторону, велел палачу до самой земли ослабить веревки. Зубарев кулем опустился с дыбы, извергая зеленую блевотину. Было уже ясно из допроса: король Пруссии затевает против России дела подлые.

И в глухую ночь, опережая шпионов Манштейна, уже понеслись солдаты, дабы в великой тайне вывезти царя Иоанна из острога Холмогорского и навсегда затворить бывшего императора в крепости Шлиссельбурга на Ладожском озере...¹⁰

* * *

Потому-то, когда Вильямс предложил русскому кабинету примирение с Фридрихом, Елизавета ответила так:

– Нет!.. И передайте, посол, всем тем, кто стоит за вашей спиной, что я велю отрубить Иоанну голову, но Брауншвейгской фамилии, по родству ее с Фридрихом, не бывать на престоле!

Эти угрозы очень скоро дошли до Фридриха.

– Постарайтесь, – наказал король Митчеллу, – довести до сведения великой княгини Екатерины, что я могу погасить ее сердечные неприятности. В обмен на Понятовского, который так необходим ей, пусть она задержит движение русской армии. Или пусть сообщит мне хотя бы план предстоящей кампании!

И эти слова Фридриха – через Вильямса – дошли до Ораниенбаума... Опустевшая постель Екатерины давно перестала быть личным делом самой Екатерины. Позор выносился теперь не только на площадь, его обсуждали при дворах Европы. Великая княгиня Фридриха не боготворила, как ее муж, но она не могла не слушаться советов из Берлина; Екатерина мно-

⁹ Показания Ивана Зубарева автор дает доподлинно из «пытошных листов», но в очень сильном сокращении.

¹⁰ Иоанн Антонович был убит в Шлиссельбургской тюрьме во время бунта поручика Мировича (1764); уцелевшие в Холмогорах члены Брауншвейгской династии позднее были вывезены в Данию.

гим обязана Фридриху... Кому в Европе нужна была дочь штеттинского коменданта, игравшая во дворе замка с мальчишками? Никому, а король Пруссии устроил ей брак с наследником престола российского; Россия же – это не плюгавое курфюршество!

Бестужев-Рюмин, с помощью саксонского канцлера Брюля, стал ратовать за возвращение Понятовского в объятия Екатерины. Брюль еще как-то колебался. Но тут выступил на сейме Понятовский и заверил шляхту, что Польша сама, помимо Саксонии, должна иметь своего посланника в России. В тесном кругу друзей молодой нунций дал понять, что без него не обойтись:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.